

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Евгений Пермяк
**НА ВСЕ ЦВЕТА
РАДУГИ**

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Евгений Пермяк

НА ВСЕ ЦВЕТА РАДУГИ

Рассказы и сказки

Рисунки С. Гавриловой

Евг. Пермяк

1902 — 1982

МОСКВА
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
2001

З Д Р А В С Т В У Й !

Дорогой юный друг, с каждой новой книгой появляются у тебя новые знакомые. Найдёшь ты их и здесь. Разные это люди. Хорошие и не очень хорошие... такие, на которых ты, наверно, не захочешь походить. А вот кто какой — можно узнать, только прочитав книгу. Внимательно. Не торопясь. Потому что торопливый читатель и хорошего может принять за плохого.

В этой книжке много рассказов и сказок. Разных и всяких. Весёлые и грустные истории. О прилежных ребятах и лодырях. О мелких мелочах и больших делах. О счастливых увлечениях и печальных злоключениях... Всего не переберёшь, пока не прочтёшь. Для того и рассказы пишутся, чтобы их читать...

Одним словом, приглашаю тебя в мою новую книжку. Читай! Вдруг да ты узнаешь о том, что тебе захочется повторить, или наоборот. Начинать можешь с любого рассказа. С первого, с третьего, с двенадцатого. Каждый рассказ сам

по себе, своей жизнью живёт, хотя и в одной обложке... Ну, да ты без меня разберёшься, что к чему, и решишь, кого брать тебе в свои знакомые, а кого нет... Буду очень рад, если моя книжка не заставит тебя скучать...

С уважением к тебе, мой самый главный друг. Без тебя ведь я — ну, как бы тебе сказать?.. — вообще, просто-напросто пишущий человек, а с тобой — читаемый, а это самое главное из самого главного в моей работе и жизни...

Желаю тебе здоровья, благополучия и хороших отметок.

Евг. Пермяк
1977 год

ПИЧУГИН МОСТ

НАДЁЖНЫЙ ЧЕЛОВЕК

На первой парте и в первом классе сидел сын отважного лётчика-испытателя Андрюша Рудаков. Андрюша был крепким и смелым мальчиком. Он всегда защищал тех, кто послабее, и за это все в классе любили его.

Рядом с Андрюшей сидела маленькая худенькая девочка Ася. То, что она была маленькая и слабенькая, ещё можно было простить, но то, что Ася была труслива, — с этим Андрюша никак не мог примириться. Асю можно было испугать, сделав ей страшные глаза. Она боялась каждой встречной собачонки, убегала от гусей. Даже муравьи и те её страшили.

Очень неприятно было Андрюше сидеть на одной парте с такой трусихой, и он всячески старался избавиться от Аси. А её не пересаживали.

Однажды Андрюша принёс в стеклянной банке большого паука. Увидев страшилище, Ася побледнела и тут же перебежала на другую парту.

С этого и началось... Два дня Ася сидела одна, и учительница Анна Сергеевна будто не за-

мечала этого, а на третий день она попросила Андрюшу остаться после уроков.

Андрюша сразу догадался, в чём дело, и, когда все ушли из класса, он, чувствуя себя виноватым, смущённо сказал учительнице:

— Я ведь не зря принёс паука. Я хотел приучить Асю ничего не бояться. А она опять испугалась.

— Что ж, верю тебе, — сказала Анна Сергеевна. — Кто как умеет, тот так и помогает расти своим товарищам, а я тебя позвала, чтобы рассказать одну маленькую историю.

Она усадила Андрюшу на его место за партой, а сама села рядом — на Асино.

— Много лет назад в этом же классе сидели мальчик и девочка. Сидели так же, как сейчас сидим мы. Мальчика звали Вовой, а девочку — Аней. Аня росла болезненным ребёнком, а Вова рос сильным и здоровым мальчуганом. Аня часто хворала, и Вова приходилось помогать ей учить уроки. Однажды Аня поранила гвоздём ногу. Да так поранила, что не могла приходить в школу: ни башмак нельзя было надеть, ни валенок. А шла уже вторая четверть. И как-то Вова пришёл к Ане и сказал: «Аня, я тебя буду возить в школу на саночках». Аня обрадовалась, но запротивилась: «Что ты, что ты, Вова! Это будет очень смешно! Над нами будет хохотать вся школа...» Но настойчивый Вова сказал: «Ну и пусть хохочут!» С этого дня Вова ежедневно привозил и отвозил на саночках Аню. Сначала ребята смеялись над ним, а потом сами

стали помогать. К весне Аня поправилась и смогла вместе со всеми ребятами перейти в следующий класс. На этом я могу закончить рассказ, если тебе не захочется узнать, кем стали Вова и Аня.

— А кем? — нетерпеливо спросил Андрюша.

— Вова стал прекрасным лётчиком-испытателем. Это твой отец Владимир Петрович Рудakov. А девочка Аня теперь твоя учительница Анна Сергеевна.

Андрюша опустил глаза. Так просидел он за своей партией долго. Он живо представил саночки, девочку Аню, которая теперь стала его учительницей, и мальчика Вову, своего отца, на которого ему так хотелось походить.

Наутро Андрюша стоял у крыльца дома, где жила Ася. Ася, как всегда, появилась со своей бабушкой. Она боялась ходить в школу одна.

— Доброе утро, — сказал Андрюша Асиной бабушке. Потом поздоровался с Асей. — Если хочешь, Ася, пойдём в школу вместе.

Девочка испуганно посмотрела на Андрюшу. Это он нарочно говорит так приветливо, от него можно ожидать всего. Но бабушка заглянула в глаза мальчику и сказала:

— С ним тебе, Асенька, будет сподручнее, чем со мной. Он и от собак отобьётся, и мальчишкам в обиду не даст.

— Да, — тихо, но очень твёрдо сказал Андрюша.

И они пошли вместе. Они шли мимо незнакомых собак и шипящих гусей. Они не уступили

дорогу бодливому козлу-задире. И Асе не было страшно.

Рядом с Андриюшей она вдруг почувствовала себя сильной и смелой.

ПИЧУГИН МОСТ

По пути в школу ребята любили разговаривать о подвигах.

— Хорошо бы, — говорит один, — на пожаре ребёнка спасти!

— Даже самую небольшую щуку поймать — и то хорошо, — мечтает второй. — Сразу про тебя узнают.

— Лучше всего на Луну полететь, — говорит третий мальчик. — Тогда уж во всех странах будут знать.

А Сёма Пичугин ни о чём таком не думал. Он рос мальчиком тихим и молчаливым.

Как и все ребята, Сёма любил ходить в школу короткой дорогой через речку Быстрянку. Эта маленькая речка текла в крутых бережках, и перескакивать через неё было очень трудно.

В прошлом году один школьник не доскочил до того берега и сорвался. В больнице даже лежал. А этой зимой две девочки переходили речку по первому льду и оступились. Повымокли. И тоже крику всякого было много. Ребятам запретили ходить короткой дорогой. А как длинной пойдёшь, когда короткая есть!

Вот и задумал Сёма Пичугин старую ветлу с

этого берега на тот уронить. Топор у него был хороший. Дедушкой точенный. И стал он рубить им ветлу.

Нелёгким оказалось это дело. Уж очень была толста ветла. Вдвоём не обхватишь. Только на второй день рухнуло дерево. Рухнуло и легло через речку.

Теперь нужно было обрубить у ветлы ветви. Они путались под ногами и мешали ходить. Но когда обрубил их Сёма, ходить стало ещё труднее. Держаться не за что. Того гляди, упадёшь. Особенно если снег.

Решил Сёма приладить перильца из жердей. Дед помог.

Хороший мостишко получился. Теперь не только ребята, но и все другие жители стали ходить из села в село короткой дорогой. Чуть кто в обход пойдёт, ему обязательно скажут:

— Да куда ты идёшь за семь вёрст киселя хлебать! Иди напрямиком через Пичугин мост.

Так и стали его называть Сёминой фамилией — Пичугин мост. Когда же ветла прогнила и ходить по ней стало опасно, колхоз настоящий мосток перекинул. Из хороших брёвен. А название мосту осталось прежнее — Пичугин.

Вскоре и этот мост заменили. Стали спрямлять шоссейную дорогу. Прошла дорога через речку Быстрянку, по той самой короткой тропинке, по которой ребята бегали в школу.

Большой мост возвели. С чугунными перилами. Такому можно было дать громкое название. Бетонный, скажем... Или какое-нибудь

ещё. А его все по-старому называют — Пичугин мост. И никому даже в голову не приходит, что этот мост можно назвать как-то по-другому. Вот оно как в жизни случается.

ЗНАКОМЫЕ СЛЕДЫ

Никишин дедушка был садоводом в колхозе. А в свободное время любил на охоту ходить. Хорошим он был охотником. Все тайны лесные знал.

Как-то показывал он своему внуку следы в лесу. Показывал да приговаривал:

— Век живи, век учись и во всё вникай. Никакое знание человеку во вред не бывает.

А Никиша слушал да думал про себя: «Все старики любят ребят поучать. Ну зачем мне звериные следы знать, когда я машинистом стать собираюсь. Электрические поезда водить». О поездах только и думал Никиша. Каждый болтик, каждую мелочь на электровозе разглядывал. Ребята тоже бегали вместе с ним на поезда смотреть.

Довелось как-то им возвращаться со станции в своё село прямой дорогой через лес. Ближе и веселее. Хорошо бежится по первому снегу. А на снегу множество всяких следов. Какой чей след, ребята не знают, а бегают по ним. Вдруг да лисицу увидят или дикого козлика. С зайцем и то неплохо встретиться. Бегали так они, бегали по следам да и заблудились. Испугались ребята. Кое-кто даже слезу пустил.

— Это твоя затея, Никиша... Как мы теперь выберемся, когда все тропинки снегом засыпало?

Молчит Никиша, не оправдывается. Думает, как ребят на дорогу вывести. Кричать стал. Да кто услышит его в глухом зимнем безлюдном лесу!

И вдруг Никиша увидел знакомые следы. Из всех следов, которые ему дед показал, он только эти запомнил.

— Ура, ребята! — крикнул Никиша. — Идите за мной.

Долго шли ребята по этим следам и вышли к жилью. К лесниковой сторожке. А от сторожки до села наезженная дорога. И ночью не заблудишься.

— По каким же таким следам ты нас вывел? — спросили ребята Никишу.

— По собачьим, — ответил он. — Собачьи следы всегда к жилью выводят. Сколько ни бегает собака по лесу — обязательно домой прибежит. Так дедушка меня учил.

Домой Никиша пришёл усталый, но счастливый. Улучив минутку, он обнял дедушку и принялся что-то шептать ему на ухо.

Наверное, спасибо говорил милому дедушке.

ЗА ЧТО?

Первоклассник Юра Ковров был очень счастлив: ему подарили в красивой клетке нарядную птицу — клёста. Клёт оказался угрюмым и молчаливым. Правда, он изредка выкрикивал какие-то тоскливые два звука.

— Какие?

— Кто знает какие, — отвечал Юре отец, — если бы приехал дядя Вася, сказал бы. Ему, лесничему, известен разговор всех лесных птиц.

И надо же было такому случиться — дядя Вася приехал и сказал:

— Твой клёт, Юрочка, задаёт один и тот же вопрос.

— Какой?

— За что?

Юра не понял и переспросил:

— Что значит «за что»?

— Не знаю, Юрочка, но думаю, что клёт не очень доволен своей новой квартирой в клетке.

Юра задумался, потом сказал:

— Не выпускать же клёста зимой... Он может замёрзнуть...

— Да нет, Юрочка, — не согласился дядя. — Клесты наши — зимние птицы и даже в студёные месяцы выводят птенцов. Может быть, и у твоего клёста остались голодные малыши...

Юра в этот вечер долго не мог уснуть. А уснув, отчётливо слышал: «За что? За что?» А потом это же повторилось несколькими тонкими голосами в гнезде. Юра увидел малень-

ких голеньких клестят. Они открывали клювики. Им явно хотелось есть.

Рано проснулся Юра и нетерпеливо ждал начала позднего рассвета. А дождавшись, взял клетку, открыл форточку и выпустил клёста.

Клёт, как никогда до этого, произнёс какие-то непонятные птичьи слова. Но Юра, не знавший птичьего языка, правильно понял их: «Спасибо, Юра!» Дядя Вася подтвердил это.

С тех пор Юра никогда не держал в клетке ни летних, ни зимних птиц. И если у кого-то видел птицу, заточённую в клетку, всегда спрашивал: «За что?»

САМОЕ СТРАШНОЕ

Вова рос крепким и сильным мальчиком. Все боялись его. Да и как не бояться такого! Товарищей он бил. В девочек из рогатки стрелял. Взрослым рожи строил. Собаке Пушку на хвост наступал. Коту Мурзею усы выдёргивал. Колючего ёжика под шкаф загонял. Даже своей бабушке грубил.

Никого не боялся Вова. Ничего ему страшно не было. И этим он очень гордился. Гордился, да недолго.

Настал такой день, когда мальчики не захотели с ним играть. Оставили его — и всё. Он к девочкам побежал. Но и девочки, даже самые добрые, тоже от него отвернулись.

Кинулся тогда Вова к Пушке, а тот на улицу

убежал. Хотел Вова с котом Мурзеем поиграть, а кот на шкаф забрался и недобрыми зелёными глазами на мальчика смотрит. Сердится.

Решил Вова из-под шкафа ёжика выманить. Куда там! Ёжик давно в другой дом жить перешелся.

Подошёл было Вова к бабушке. Обиженная бабушка даже глаз не подняла на внука. Сидит старенькая в уголке, чулок вяжет да слезинки утирает.

Наступило самое страшное из самого страшного, какое только бывает на свете: Вова остался один.

Один-одинёшенек!

ПРО ВОВУ И КОШКУ

Мне уже не раз приходилось вспоминать историю, которая произошла в семье знаменитого сказочника Павла Петровича Бажова, создавшего бессмертную «Малахитовую шкатулку». А теперь мне захотелось написать об этом домашнем происшествии самостоятельно живущий рассказ.

Вот он.

В годы войны у Павла Петровича жил и воспитывался его шестилетний внук Вова. Вова рос пытливым, но довольно озорным мальчиком. За ним, как говорили в доме Бажовых, нужны глаза да глазки, чтобы малец не напроказничал, не натворил самое неожиданное.

Однажды Вове пришло в голову не просто неожиданное, а невероятное. Он опустил вниз головой в трубу горящего самовара кошку.

Кошка с опалёнными усами и обожжённой мордой стремительно метнулась на шкаф. Она невыносимо громко и душераздирающе кричала, другого слова и не подберёшь. Она будто требовала защиты.

Вова перепугался. Он явно не ожидал этого.

Хотя ожоги были не такими уж страшными, всё же Вовка заслуживал хорошей трёпки. Этого я и ждал от Павла Петровича. Он же, будто не заметив случившегося, ничего не сказал. Ни одного слова.

Мне было неудобно вмешиваться и что-то советовать человеку намного старше меня. Тем более неуместно было предлагать наказание.

Наказание пришло на другой день. И какое? Самое неожиданное. Павел Петрович всего-навсего вывесил под потолком лист бумаги, назвав его «стенгазетой». В ней кратко крупными буквами излагалось совершённое злодеяние и называлось имя виновника.

Сначала такому внушению никто не придавал значения. И тот же Вова говорил:

— Подумаешь... Дедушка газету вывесил... Кто её читать будет?..

Вскоре же оказалось, что всякий проходящий читал эту «газету». Читал и громко сокрушался: «Неужели такой хороший мальчик до этого дошёл...» И начинались рассуждения, сожаления минут на двадцать. А Вова прятался за

шкафом и слушал, что говорят о нём. Я думаю, это было не лёгкое для мальчика слушание.

Вова и я находились в приятельских отношениях. Я любил проказника. И всё же меня настораживал поступок с кошкой. Заметив, что моё отношение несколько изменилось к нему, он однажды подошёл ко мне и сквозь слёзы сказал:

— Я всё понял, но не знаю, что теперь делать... Никто не жалеет меня.

Мальчик так искренне огорчился, так чисто-сердечно винил себя, что я решил выступить его защитником.

При нём и при всех, кто был дома, я обратился с большой речью к Павлу Петровичу. С такой речью, которая раскрывала бессердечие некоторых детей, не знающих, что такое жестокость. Как настоящий судейский защитник, как адвокат, я приводил самые наглядные примеры. Я обращался даже к кошке, тёршейся у моих ног, настаивая о помиловании обвиняемого, которое он заслуживает не только потому, что раскаялся, но и потому, что преступление совершено им впервые и по малолетству. Речь я кончил такими словами:

— Дорогой Павел Петрович, вы же не только справедливый судья, но и любящий дед вашего перестрадавшего за эти дни внука. Снимите, пожалуйста, эту страшную стенную газету!

— Хорошо, — согласился Павел Петрович, — я сниму её, чтобы не позорить далее честное имя Владимира. Он, как я заметил, стал очень вни-

мателен к выздоравливающей кошке. Но... — поднял Бажов указательный палец, — при условии, если вы письменно поручитесь за него.

Далее началось составление, написание, прочтение поручительского обязательства, которое я подписал.

— Смотрите же, — строго сказал милейший и добрейший Павел Петрович, — вы ручались, с вас и будет самый строжайший спрос...

Газета была торжественно сожжена мною в трубе того же самовара.

Вова после этого отдавал кошке колбасные кожурки, рыбные объедки, не прогонял её, когда эта надоедливая баловница мешала ему. Он проникся уважением и ко мне, почтительно разговаривая теперь со мною на «вы».

ДВОЙКА

На школьном дворе жила кудлатая собачонка. Её звали Двойка. Почему ей дали такую кличку, никто не знал.

Только все знали, что малыши обижали её.

— Ах ты, негодная Двойка!.. Вот тебе!.. Вот тебе!..

В Двойку бросали камни, загоняли её в кусты. Она жалобно скулила.

Однажды учительница Мария Ивановна увидела это и сказала:

— Разве можно плохо относиться к собаке только за то, что у неё плохое имя? Мало ли ко-

му на свете даны плохие имена. Ведь не по ним судят, а по тому, кому они принадлежат.

Малыши смолкли. Призадумались над этими словами. А потом приласкали Двойку и угостили её кто чем мог. Вскоре оказалось, что Двойка очень хорошая и понятливая собачонка. Её даже хотели назвать Пятёркой, но одна девочка сказала:

— Ребята, разве дело в названии?..

ДУДИЛКА

Маленькому Васятке очень хотелось попасть в оркестр при Дворце культуры своего совхоза, а его не принимали.

— Тебе ещё семи нет, и ты не только ни одной ноты не знаешь, но и читать не умеешь.

— Зато я умею играть, — защищался Васятка и показывал свою самодельную флейту из тростника.

Её смастерил дедушка и научил внука игре на ней.

Мальчонку гладили по головке и добродушно смеялись над ним:

— Да кому же нужна твоя игра на писклявой дудилке! Что это за музыкальный инструмент! Один визг.

— Зато, — настаивал Васятка, — я могу сыграть на ней такое, чего никто не играет.

На Васятку махнули рукой и перестали обращать на него внимание.

Мальчику было очень обидно. Ему так хоте-

лось, чтобы послушали его игру. Он даже плакал тайком, а дедушка утешал его:

— Не горюй, мой маленький соловушка. Играй себе да играй. Я тебе новую, громкую дудилочку сделаю, на все лады. Придёт время, может быть, тебя сами позовут в оркестр. Играй знай. Высвистывай то, что тебе хочется. Не пропадёт твоё старание.

Васе, конечно, были приятны дедушкины утешения, но всё же верить им не очень хотелось. А играть Васятка не переставал. И особенно хорошо получалось у него на новой дудилке. Звонко звучала она. Чистый был у неё голосок, и всякие самые разные на ней переливы можно было выигрывать.

Так играл Вася до школы, а потом, поступив в школу, тоже не забросил своей игры.

Однажды он играл, забравшись на дерево. Коли дедушка называет его соловушкой, то на дереве играть в самый раз.

Разыгравшись, закрыв глаза, Вася не заметил, что под деревом остановился приезжий пожилой человек и с замиранием слушал его игру. Слушал долго, так долго, что даже устал стоять и сел под деревом.

Когда Вася прыгнул на землю, он очутился лицом к лицу с неизвестным седым, очень красивым, похожим на артиста дяденькой.

Он спросил:

— Милый ты мой, кто тебя научил такой игре?

— Да никто. Сначала дедушка, а потом сам начал играть...

— Сам? А кто тебе придумывает то, что ты играешь? Не сам же?

— Нет, конечно... — ответил Вася. — Наверно, слышал где-то, но получается это у меня как-то само собой, когда я закрываю глаза.

В этот же день Вася оказался у седого незнакомца в гостинице и там играл ему. Так играл, что прослезил своего слушателя. И тот обнял его. Обнял и сказал:

— Вася, да ты же композитор!

— Кто? — переспросил мальчик.

— Композитор, — повторил тот, — что значит сочинитель музыки. Пока ещё будущий, — поправился незнакомый красивый седой человек, — но несомненный и настоящий.

В совхозе, где жил Васятка с дедушкой, ахнули, узнав от приезжего знаменитого музыканта о такой похвале. И ещё больше удивились не только в совхозе, но и во Дворце культуры, когда пришло из Москвы приглашение в музыкальное училище. Вася приглашался вместе с дедушкой. Как он мог расстаться с ним, да кто бы разлучил их.

А дальше... Дальше шло очень хорошо. Очень. Но не в этом дело. А дело в том, что многие, очень многие люди, не в одном только совхозе, где жил Васятка, поняли, как важно разглядеть дарование в самом раннем возрасте. И не только музыкальное дарование, а всякое другое... Ведь в любом деле оказываются свои соловьи-соловушки, самоцветные камушки — свои будущие мастера.

Хороший ветерок подул. Ровный. В такой ветер бумажный змей высоко летает. Туго нитку натягивает. Весело мочальный хвост развеивает. Красота!

Задумал Боря своего змея сделать. Лист бумаги у него был. И дранки он выстрогал. Да недоставало мочала на хвост да ниток, на которых змея пускают.

А у Сёмы большой моток ниток был. Ему есть на чём змея пускать. Ему бы лист бумаги да мочала на хвост достать, тоже бы своего змея запустил.

Мочало у Пети было. Он его давно для змея припас. Ниток только ему не хватало да бумажного листа с дранками.

У всех всё есть, а у каждого чего-нибудь да не хватает.

Сидят мальчики на пригорке и горюют. Боря свой лист с дранками к груди прижимает. Сёма свои нитки в кулак зажал. Петя своё мочало за пазухой прячет.

Хороший ветерок дует. Ровный. Высоко в небо другие ребята змея запустили. Весело он мочальный хвост развеивает. Туго нитку натягивает. Красота!

Боря, Сёма и Петя тоже бы такого змея могли запустить. Даже лучше. Только дружить они ещё не научились — вот в чём беда.

Сёма и Сеня — товарищи. Они ещё до школы дружили. И теперь всегда вместе. Надёжные октябрята. Им даже телят доверяли. Вообще они в Новоцелинном совхозе были на хорошем счету.

Вот и на этот раз им сторожить поручили почти тысячу кур, потому что время было страдное, уборочное. Жара в степи. Сушь кругом. Зерно, того и гляди, осыпаться начнёт. Все взрослые работали день и ночь, чтобы скорее убрать хлеб. Даже птичницы вышли в поле. Вот и пришлось Сёму с Сеней добровольцами взять.

Как ни убирай аккуратно урожай, а всё равно кое-какие зёрна из колосьев осыпаются. Не пропадать же им. Вот и выгоняют кур на сжатое поле кормиться — зерно подбирать.

Старшим над октябрятами поставили пионера Гаврюшу Полозова. Хороший был мальчик. В совет отряда его уже три раза выбирали. И младших он любил. Не задирался.

Сёма и Сеня тоже любили своего старшего товарища. Слушались его как главного начальника над ними и над курами. Разговаривали с ним о своих делах и, конечно, о том, как бы поскорее им стать пионерами. Гаврюша рассуждал так:

— Придёт время, и примут вас. И станете такими же хорошими пионерами, какими хорошими вы были октябрятами.

Только он сказал это, как забеспокоился старый рыжий петух: «Что-то та-к-кое? Что-то это значит? Ку-дах-дах!.. Что-то не так... Ку-дах!.. Кудах!..»

Гаврюша насторожился. Старый петух никогда не суетился напрасно. Поэтому его и держали, чтобы опасность предупредить. Мало ли в степи всяких куриных врагов?.. Хоть лису ту же взять — подкрадётся, и не услышишь...

«Что-то т-та-к-кое?» — не унимался петух.

— Ребята, откуда-то дымом пахнет! — сказал Гаврюша.

Сёма и Сеня тоже вскочили вслед за Гаврюшей. Сначала принюхались, потом огляделись.

— Степь горит! — закричал Сеня. — Вон! Смотрите.

Тут все увидели дым и огонь. Горело жнивье. Огонь и дым продвигались к ребятам. Сёма и Сеня бросились к курам. Гаврюша хотел было побежать за взрослыми на дальний участок. Да куда там!.. Полоса огня, подгоняемого ветром, двигалась на ребят, на куриное стадо очень быстро. Гаврюша не успел бы пробежать и полпути до дальнего участка, даже если бы он помчался туда стрелой.

— Нужно стогнать кур! — крикнул он Сёме и Сене. И, увидев, что ребята носятся по степи, стогняя разбредшихся кур, кинулся к ним на помощь.

Куры, увлечённые поисками зерна, не чуя беды, не слушались ребят. Тогда Сеня снял свою рубашку и стал махать ею. Остальные сделали

то же самое. Гаврюша засвистел. Сёма стал бросать в кур комья земли. Начался куриный переполох. Куры стали разбегаться в разные стороны. Некоторые побежали навстречу огню.

Пришлось снова сделать забег и повернуть молодых кур в сторону речки, куда, голося, будто сзывая остальных, бежал старый рыжий петух, уводя за собой добрую сотню кур.

Побежавшие навстречу огню куры остановились. Пахнуло дымом.

— Гони их к речке! К речке!.. — истошно кричал Гаврюша.

И ребята не помня себя гнали к реке куриное стадо. Они понимали, что речка преградит путь степному пожару. За рекой куры будут в безопасности. Но как их переправить за реку?.. Двух, трёх, даже десяток кур можно переловить и перенести или даже перебросить, а ведь их тысяча!

Берег ближе и ближе. Но ближе и ближе огонь. Пусть он не страшен быстроногим ребятам, но для ошалевших кур это верная гибель.

Огонь уже совсем близко, но река ещё ближе. Вот уже первые куры и старый петух подбежали к кромке берега. Гаврюша оглушительно свистнул. Петух, вдвойне напуганный огнём и свистом, взвился вертолётom и благополучно перелетел речку. За ним последовало два-три десятка кур. Испуг вернул им давно забытую способность летать. Взлетело ещё два-три десятка кур. Некоторые, не долетев до противоположного берега, оказались в реке. Одни в испуге по-

плыли, другие, коснувшись дна, побежали как очумелые бродом.

Уже добрая сотня кур была спасена. Очутившись в безопасности на том берегу, они, не оставаясь, удирали дальше. Это были старые, двух-трёхлетние куры. Молодые же никак не хотели взлетать. Вода страшила их не менее огня. Один молодой петушок, ополоумев, предпочёл кинуться в огонь.

Гаврюша оглянулся. Огонь наступал неровной, ломаной линией. Мальчик решил гнать кур берегом к пешеходному мостику. Он надеялся, что они успеют проскочить там, где огонь отставал, где река делала излучину. И ребята, замахав в три рубахи, погнали кур берегом к мостику.

Слева — огонь, справа — вода. Между ними стремительно мчащаяся белая туча кур. Они бежали раскрыв клювы, подгоняемые свистом, перескакивая друг через дружку. Некоторые, не выдерживая бега, перелетали через реку, где уже пришедший в себя старый петух истошно кричал: «Куда вы, куда? Сю-да, сю-да!» — будто в самом деле выговаривая эти слова. И молодёжь верит ему. Перелёты стали чаще. Не беда, что много кур уже на плаву.

«Не утонут, — думает Сёма, — доплывут до первой мели или до коряги и выйдут на берег».

Вот огонь уже совсем близко, но самые быстрые куры первыми бегут по мостику.

От огня и ребятам жарко. Пахнуло палёной шерстью.

— Сёмка, прыгай в воду! — кричит Сеня. — Волосы опалил.

— Сам прыгай, — отвечает тот, прикрывая голову рубашкой.

Огонь пожрал только трёх молодых. Он преградил им дорогу перед самым мостиком. Ребята видели их из речки. Перед тем как сгореть, куры взлетели так высоко, что могли бы перелететь не одну такую речонку.

— Вот до чего доводит трусость! — сказал Сёма, охлаждая водой ожоги.

ТАРАКАНИЙ ОХОТНИК

Егорушка проводил последнюю перед школой зиму в старом доме у дедушки с бабушкой в большом селе. Дел у Егорушки было хоть отбавляй. И деду нужно помочь на конном дворе, и с бабушкой нужно на птичьей ферме побывать. А тут ещё сани, лыжи, снежная хижина... Да и сорок тоже кто-то должен на всякий случай палкой пугнуть, и дорожку в дровяник нельзя запускать. Занесёт её снегом — и не доберёшься. А больше всего приходилось воевать с тараканами.

— Откуда это они! — удивлялась бабушка. — Лет десять их не было, а теперь хоть из дому не уходи.

И гусиным-то крылышком сметала их бабушка в ведро с водой, и кипятком-то шпарила, и морила чем следует, а они напоззали опять.

— Да что это за наказание такое, — жаловалась бабушка. — На всех управа находится: на мышей — кошки, на комаров — лягушки, на змей — ежи, а на них нет охотника.

— Нет, есть, — сказал дед и подмигнул внуку.

Подмигнул дед внуку и пообещал тараканьего охотника на этой же неделе в дом поселить.

— Кто это? Как его звать? — допытывался Егорушка.

— Как придёт, сам себя назовёт, — отшучивался дед. — А теперь давай домишко для охотника сооружать.

Сказал так дед и принялся сколачивать маленькую скворешенку. Подвесил он скворешенку на стену под потолок и в подпол полез. Добыл дед из подпола проволочную мышеловку и сказал:

— Теперь, Егор Сергеевич, давай на охотника охотиться.

«Неужели мышь — тараканий охотник? — подумал Егорушка. — Но как она под потолком в скворешенке будет жить?»

А дед тем временем насторожил мышеловку и приманку на крючок подвесил — сало. А потом велел Егорушке поставить мышеловку во дворе на столбик возле черёмухи и караулить из окна.

Как сказано, так и было сделано.

Долго Егорушка дежурил у окна. Даже устал. И вдруг смотрит — птичка прилетела. Жёлтенькая с чёрненькой головкой и белыми

щёчками. Он сразу узнал её. Это была большая синица.

«Неужели это и есть тараканий охотник? — удивился Егорушка. — Но как птица может попасть в мышеловку?»

А синица, учуяв сало, всячески старалась проникнуть к нему.

Вернулся дедушка, а синица всё ещё крутилась возле мышеловки, ища вход. И наконец нашла его. Прыг в ловушку. Хватать за сало. Крышка мышеловки захлопнулась.

Ура!

Дед с внуком побежали за синицей.

— Теперь давай приручать охотника, — сказал дед и прикрыл мышеловку платком.

Птица утихла и перестала биться. Часа через два, когда уже смеркалось, дед добыл синицу и сунул её в скворешенку.

— Пусть теперь там обседитя, — сказал он.

Синица притаилась в скворешенке. Как сгнула.

Прошла ночь. Егорушка поднялся вместе с дедом.

— Теперь давай, Егор Сергеевич, учить охоте тараканьего охотника, — объявил дед. — Хоть это и не обязательно, а всё же для порядка не помешает.

Были пойманы штук пять тараканов и брошены в скворешенку. Послышалось — тук-тук!

— Ага! — Дед подмигнул внуку. — Проголодался охотник.

Егорушка не спускал глаз со скворешенки.

Он увидел, как два таракана выползли из неё.

— Упустил охотник добычу, — сказал дед.

Да этого не случилось. Птица высунулась в отверстие скворешенки и увидела убегающего таракана. Раздался охотничий клич. Взмах крыльев. Таракан был достигнут и проглочен. Синица снова скрылась в скворешенке.

— Вот это да! — радовался Егорушка. — Вот это охотник!

Большая синица — пугливая птица, но она скоро привыкает к людям. Не прошло и двух дней, как тараканий охотник орудовал у бабушки на кухне. А через неделю или чуть более тараканы исчезли. Редко-редко какой захудалый таракашка выползет из щели, но вскоре и эти редкие удачи оставили тараканьего охотника.

Синица стала промышлять разбоем. Стоит сливочное масло на столе... Улучит синица минуточку... Кинется камнем на стол... Отсечёт, как топориком, своим клювом кусочек масла — и в скворешенку.

— Пора, видно, нам расставаться с охотником. Мусору много от него, — как-то сказала бабушка.

Егорушке не очень хотелось отпускать синицу, но пришлось. Птице полагается жить на воле.

Выпустили тараканьего охотника. Поскучали без него денёк-другой, а потом забыли. Но однажды раздался стук в замороженное стекло кухонного окна. Это была большая синица.

Бабушка даже чашку уронила от радости.

— Придётся, Егорушка, форточку открыть. На улице стужа, и, видно, нашему тараканьему охотнику приходится худо.

Егорушка открыл форточку. Синица с громким кличем влетела в знакомую кухню.

— Живи давай, живи до тепла, тараканий охотник, — сказала бабушка. — Ты нам помог, и мы поможем тебе за твои труды.

Тараканий охотник прожил до весны, а потом улетел и больше не возвращался.

С Л А В К А

У агронома в колхозе подрастал сын Славик. Когда мальчику исполнилось шесть лет, он заявил отцу:

— Папа, я тоже хочу быть агрономом. Я тоже, как ты, хочу выращивать хорошую пшеницу.

— Это очень приятно, — согласился отец. — Давай я отведу тебе поле.

И агроном отвёл своему сыну поле в палисаднике перед окнами дома, где они жили. Поле мальчику показалось очень небольшим. Оно было в один метр длиной и в один метр шириной — квадратный метр.

— Это не беда, — сказал отец. — И на этом поле можно вырастить знаменитую пшеницу.

Вскоре мальчику было показано, как нужно рыхлить землю, на какую глубину засеять маленькую папню пшеничным зерном и как нужно за ней ухаживать.

Когда появились всходы, Славик очень обрадовался. Он тщательно пропалывал их, а когда земля подсыхала, поливал своё крошечное поле из маленькой лейки.

Пришло время убирать урожай. Славик вместе с отцом срезал колосья, а затем занялся молотьюбой. Молотили дома, на столе. Молотили карандашом, выбирая из каждого колоска зёрна.

Зёрен оказалось много. Ими можно было засеять всю землю палисадника.

Но отец сказал:

— Давай посеем только лучшие зёрна.

И Славик стал отбирать лучшие зёрна пшеницы — самые большие, самые пузатенькие. Нелегко было перебрать весь урожай. Не один час потратил Славик в долгие зимние вечера на сортировку зерна. Лучшие взял для семян, а остальные скормил уткам.

Пришла весна. Весной Славик снова перебрал отобранные семена и снова вместе с отцом взрыхлил и удобрил своё маленькое поле. Теперь уже отец работал меньше и меньше указывал.

Весело зазеленели всходы. Выше поднялись стебли. И понятно почему: поле было засеяно лучшими из лучших семенами. А когда появились большие колосья и стали наливаться тяжёлым зерном, Славик часами просиживал у своего поля. Он не мог дождаться урожая. Очень ему хотелось узнать, каким будет на этот год зерно.

Но однажды пошёл дождь с крупным градом. И Славик заплакал. Он боялся, что град погубит урожай, а поле закрыть было нечем. Но бабушка бросила через окно большой отцовский зонт, и мальчик раскрыл его над полем. Град больно хлестал Славика, потому что сам-то он был не под зонтом. Он держал зонт на вытянутой руке над своим полем. Из глаз Славика капали слёзы. Но Славик не уступил граду, не ушёл с поля.

— Ты настоящий мужчина, — сказал ему отец. — Только так и можно было защитить дорогие семена.

Чудесный урожай собрал Славик на вторую осень.

Теперь он уже знал, как нужно подсушить колосья, как их обмолотить, легонечко постукивая по ним карандашиком. Не дожидаясь совета отца, Славик отобрал самые крупные зёрна. Их нельзя было сравнить с прошлогодними. Те были куда мельче и легче.

На третий год Славик засеял поле самостоятельно. Он хорошо удобрил землю. Хорошо взрыхлил и засеял два квадратных метра. Он переходил уже во второй класс, и ему было под силу справиться с таким опытным полем. И он справился. К тому же помогал школьный товарищ.

Намолотив осенью достаточно пшеницы, мальчик пригласил сортировать зёрна друзей из своего класса, и те предложили Славике засеять большое поле.

Сказано — сделано. Весной ребята огородили большое поле в школьном саду — поле в десять метров длиной и в два метра шириной.

Славика ребята избрали главным агрономом и слушались его во всём. Кропотливо рыхлили землю и пололи сорняки.

Летом пшеница заколосилась ещё лучше, чем в прошлые годы. Заколосилась так, что на неё обратили внимание старики колхозники. Какая это была радость!

Однажды председатель колхоза сказал шутливо Славике:

— Товарищ главный агроном, продай колхозу урожай на семена.

Славик покраснел. Ему показалось, что председатель смеётся над его полем. А председатель не смеялся. Осенью он пришёл на обмолот урожая. Урожай теперь молотили почти всем классом Славика. Молотили в тридцать два карандаша.

— Давайте, молодые семеноводы, засеем этим хорошим зерном большое поле. Вместе, — предложил председатель.

Ребята согласились. И вот наступил пятый год. Ребята вышли на сев вместе с колхозниками. И вскоре был снят пятый урожай. Теперь его уже нельзя было обмолотить даже тысячей карандашей. Молотили на току, по старинке, ударяя колосьями по плетённому коробу. Боялись повредить зёрна.

На шестой год было засеяно огромное поле. А на седьмой и на восьмой новым, чистосорт-

ным пшеничным зерном засеивались поля соседних колхозов. За ним приезжали издалека. Но всех немислимо было оделить семенами этого нового, урожайного сорта пшеницы. Давали семян по горсти, по две. Приезжие благодарили и за это.

...Когда я приехал в колхоз, мне показали эту отличную пшеницу и сказали:

— Это новый сорт пшеницы. Называется этот сорт «славка».

Тогда я спросил, почему так называется эта пшеница и откуда взялось это название. Может быть, от слова «слава» или «славная»?

— Да нет, нет, — ответил председатель. — Она так называется от имени Вячеслав, которого в детстве звали Славиком, а попросту — Славкой. Я познакомлю вас с ним.

И меня познакомили с высоким голубоглазым застенчивым юношей.

Он был очень смущён, когда я его стал спрашивать о пшенице, а потом рассказал историю этой пшеницы, начиная с первого урожая в палисаднике.

СМОРОДИНКА

Танюша много слышала о черенках, а что это такое — не знала.

Однажды отец принёс пучок зелёных прутьев и сказал:

— Это смородиновые черенки. Будем, Танюша, смородину сажать.

Стала Таня разглядывать черенки. Палочки как палочки — чуть длиннее карандаша. Удивилась Танюша:

— Как же из этих палочек вырастет смородинка, когда у них нет ни корешков, ни веточек?

А отец отвечает:

— Зато на них почки есть. Из нижних почек пойдут корешки. А вот из этой, верхней, вырастет смородиновый куст.

Не верилось Танюше, что маленькая почка может стать большим кустом. И решила проверить. Сама решила смородинку вырастить. В палисаднике. Перед избой, под самыми окнами. А там лопухи с репейником росли. Да такие цепкие, что и не сразу выкопешь их.

Бабушка помогла. Повыдергали они лопухи да репейники, и принялась Танюша землю вскапывать. Нелёгкая это работа. Сперва надо дерн снять, потом комья разбить. А дерн у земли толстый да жёсткий. И комья твёрдые.

Много пришлось поработать Тане, пока земля покорилась. Мягкой стала да рыхлой.

Разметила Таня шнурком и колышками вскопанную землю. Всё сделала, как отец велел, и посадила рядками смородиновые черенки. Посадила и принялась ждать.

Пришёл долгожданный день. Проклюнулись из почек ростки, а вскоре появились и листочки.

К осени из ростков поднялись небольшие кустики. А ещё через год они зацвели и дали первые ягоды. По маленькой горсточке с каждого куста.

Довольна Таня, что сама смородину вырастила. И люди радуются, глядя на девочку:

— Вот какая хорошая «смородинка» у Калининковых растёт. Настойчивая. Работящая. Черноглазая, с белой ленточкой в косе.

ЧИЖИК-ПЫЖИК

122

ПЕРВЫЙ ЛУК

Мне шесть или семь лет. Я сюда приехал только вчера. Ещё звенят в ушах слова моей матери: «Слушайся во всём Котю». Котя — это моя тётка. Она старая дева. Ей уже сорок лет. И я её любимец, её единственный племянник.

Тётушка жила в своём доме, как и большинство рабочих этого прикамского завода. При доме двор, огород. Здесь, как говорит тётушка, началось моё детство. Я смутно помню об этом. Но всё, что было потом, никогда не изгладится в моей памяти.

Так вот...

Мне шесть или семь лет. Я стою на дворе дома моей тётки. Цветут белым пухом тополя. Только пух да пух и ни одного знакомого мальчишки.

В это утро я пережил впервые самое страшное из самого страшного — одиночество. Но оно длилось недолго, может быть, час, а может, и десять минут. Но для меня, нетерпеливого и торопливого, показались мучительными и эти минуты.

Между тем я этого не знал тогда: в щели соседского забора за мною зорко следили четыре «индейских» глаза. Два из них принадлежали Санчику Петухову, а другие два его брату Пете.

Видимо, нетерпение и торопливость были свойственны не только мне. Петя и Санчик знали за несколько дней о моём приезде. Появление нового мальчишки на соседнем дворе не такое частое и заурядное явление. С новичком нужно было познакомиться, затем или принять его третьим индейцем, или объявить бледнолицым врагом. Порядок не новый. Так поступали в наши годы все мальчишки, игравшие в индейцев. Либо ты с нами, либо ты против нас.

Но как познакомиться? Крикнуть: «Иди к нам» или «Давай мы перелезем к тебе»... Это же не индейский способ знакомства. Поэтому через щель забора была пущена стрела. Она пролетела передо мной шагах в четырёх и впилась в бревенчатую стену дома. Я подбежал к стреле. Она довольно глубоко вошла в дерево, и я не без усилий вынул её.

— Это наша стрела! — послышалось с забора.

И я увидел двух мальчиков.

— Вы кто? — спросил я.

Они ответили:

— Индейцы! — и в свою очередь спросили: —

А ты кто?

— Пока ещё никто, — сказал я, подавая ребятам стрелу.

— А хочешь быть индейцем? — спросил один из них.

— Конечно, хочу, — радостно сказал я, хотя и не знал, что значит быть индейцем, но верил, что это очень хорошо.

— Тогда перелезай через забор, — предложили они.

— Очень высоко, — боязливо сознался тогда я. — Лучше проведите меня через ворота.

И провели на петуховский двор. Я переступил порог новой для меня жизни.

На индейском языке Санчик назывался — Сан, а Петя — Пе-пе. Мне ещё не присвоили нового имени, потому что я не заслужил права называться охотником. Для этого нужно было прежде всего сделать своими руками лук и десять стрел, а затем попасть хотя бы тремя из них в картофелину с кулак, подвешенную на нитке.

Условия не лёгкие. Но не оставаться же бледнолицым и не терять же так счастливо найденных мальчишек за соседним забором.

Я согласился. И мне был вручён нож. Я впервые в жизни держал в своих руках этот простой и, как потом оказалось, могущественный инструмент. Он был настолько острым, что перерезал ветку так легко, будто это была струя воды из крана, а не дерево. Им можно было вырезать из сосновой коры поплавок, отделать удилице, выстрогать дранки для змея, заострить доску, воткнуть в неё лучинку, а затем назвать это сооружение кораблём.

И мне захотелось обзавестись своим ножом. Тётка была в ужасе, но отец моих новых знакомых сказал:

— Ему уже пора ходить с забинтованными пальцами!

Это ещё более устрасило тётушку, но мои слёзы взяли верх. Я на другой же день пришёл с забинтованными пальцами. Но зато я знал, что нож не любит торопливых.

Рана поджила скоро, и мы отправились на кладбищенскую горку, где рос «верес» — этим именем называли можжевельник. Сан и Пе-пе, соорудившие не один лук, помогли мне выбрать хороший стебель. Плотная древесина плохо поддавалась ножу, и я не без трудов и не без помощи Сана вырезал из куста можжевельника будущий лук.

Теперь его предстояло обработать. Это далось легко, но не скоро. Но пришла счастливая минута. Лук согнут. Тетива из сурового, мною же сплетённого шнурка звенит. Она так туга и так певуча. Теперь дело за стрелами. Их нетрудно сделать, для этого нужно нацепать прямослойную доску, а затем выстрогать круглые палочки. Но круглая палочка ещё не стрела. Стрел не бывает без наконечника, без копьё, как его называли Сан и Пе-пе. А для этого нужно было вырезать из жести треугольнички, а затем при помощи молотка, большого гвоздя и железной плитки, заменявшей наковальню, сделать копьё.

Это просто в руках Сана и Пе-пе. Это очень трудно в моих руках. Молоток ударяет то мимо, то слишком сильно и плющит жестяной треугольничек. Но копьё нужно сделать. Час за часом молоток, подобно сварливому ножу, стано-

вится послушнее. Второй наконечник лучше первого, а третий лучше второго. Но все они очень плохи. Им далеко до копий Пе-пе и тем более Сана. Всё же их можно насадить на стрелы.

Картофелина подвешена на нитке. Отмерены семь индейских шагов, по два нормальных наших шага каждый.

Знак тишины. Изгоняются даже куры со двора.

И я стреляю. Мимо... Мимо... Мимо... Наконеч четвёртая стрела пронизывает картофелину и кружится вместе с ней... Пятая мимо... Зато шестая и седьмая вместе с четвёртой стрелой.

— Хватит, — сказал Сан, — теперь ты индейский охотник по имени Жужа.

Это была большая честь для меня, и я в этот день гордился собой, придя домой со своим луком и стрелами.

Это был очень радостный день моего детства. И я помню, как, вернувшись домой, долго рассматривал свои руки. Это они, мои милые руки с некрасивыми короткими пальцами и широкой ладонью, сделали меня счастливым. Именно они, а не что-то другое, и я даже решил без напоминания тётушки вымыть их с мылом. Они вполне заслужили такое внимание с моей стороны.

То, что мне рассказал на берегу Обманного озера Егор Иванович, могло произойти только здесь — в степных сибирских просторах, где природа сказочно щедра.

— Почему так странно называется это озеро? — спросил я у Егора Ивановича. — Кого-нибудь обманули здесь? Или у него обманное, топкое дно?

И Егор Иванович ответил:

— Сто лет отгадывай — не отгадаешь. А прозвание «Обманное» этому озеру куда как смешно пришло. Слушай...

На этом самом месте годков сорок тому назад, а то и больше, была Макарова заимка. Дедушка Макар тут жил. Он моему отцу какой-то дальней роднёй доводился. Под старость старик Макар стал искать тишины. Облюбовал он эту глушь на берегу безымянного озера и поставил тут пластаночку на два окна. И каждое лето летовал в этих местах. Много ли старику хлеба надо, а рыбы и мяса тут невпроед. И теперь, как видишь, озеро глуховато, а в ту пору и говорить нечего.

Внуков у дедушки Макара не было — только внучки. Вот он и приспособил меня приёмышем. Мой отец рано помер, а у матери нас шестеро на руках осталось. И мать с превеликим удовольствием меня на лето отпускала к Макару.

Сначала мне тоскливо было: я да он, озеро да степь. Случалось, и слезишки лил. А дедушка

Макар любил меня и придумывал разные забавы. То уток учил петлями ловить, то верши плести да ставить. Зверюшек выслеживали. Под курицу для забавы утиные яйца клали. Высидит курица вместе с цыплятами утят, и такое представление начнётся — вдвоём за семерых находимся, когда курицыны утята в озере плавают, а их мать по берегу как умалишенная бегаёт, на всю степь кудахчет: «Куда-куда?.. Куда вы, цыплятушки?.. Утонете!» А утятам и горя мало. Наплаваются — и под куриное крыло. Посидят, посидят — и снова в воду. Бедная мать опять кричит, надрывается во всю головушку, а мы с дедушкой до хрипоты хохочем.

Шутка эта старая, известная. Не один дед-шутник так внуков веселил, не одна курица утят высиживала. Только эта никчемушная шутка на умное дело дедушку Макара навела.

— Егорша, — как-то говорит он мне, — а что, если мы с тобой дикую утку домашних утят заставим высиживать?

— Как это, — говорю я, — так? А если она не сядет?

— А почему, — говорит он, — ей не сесть? Умнее, что ли, она курицы? Облюбуем два-три гнезда диких уток да и подменим яйца дикой утки яйцами наших домашних белых уток.

Тут надо сказать, что у дедушки Макара были хорошие утки, ноские. Неслись куда больше, чем для гнезда надобилось. Вот эти избыточные яйца и задумал Макар под диких уток класть.

Дело не мудрёное. Утиное гнездо на этом озере найти ещё легче, чем щуку поймать. Только я сомневаться стал.

— А вдруг, — говорю, — дедушка, дикая утка домашних утят дикими вырастит! Летать их научит и в тёплые места по осени лететь заставит.

А дедушка Макар на это мне, смеясь, говорит:

— Наша курица тоже хотела утят петушками вырастить, а они селезнями выросли. Из кукушкиного яйца в любом гнезде кукушонок проклюнется. Так и тут. Давай пробовать.

Я рад стараться. Накопили корзинку яиц от наших домашних уток. Сели в лодку. Дедушка на корме с веслом управляется, а я на носу с корзинкой пристроился. Как где дикая утка взлетит, туда и правим. Найдём гнездо и живёхонько произведём подмену яиц. Дикие — в лодку, а домашние в гнездо.

Через недельку наши белые утки снова корзиночку яиц нанесли. Мы с дедом опять в лодку. И так раза три. Сердчишко у меня колотится — выскочить готово. Во сне даже белых утят вижу с дикой серой матерью. Одного только не понимаю — как мы потом утят выловим.

— Не горюй, — говорит мне дедушка Макар. — Уж если мы диких уток обманули, домашних-то утят обязательно перехитрим. Куда им деваться, когда озеро застынет? Чем питаться будут, когда снежок выпадет?

— Это верно, дедушка, — говорю я и жду не дождусь, скоро ли дикие утки нам домашних утят высидят.

Как ни долго тянулись дни, а пришло время, когда утята вывелись.

Сотни выводков на озере, и все жёлтые. Не различишь. Только стал я замечать, что у диких уток не все утята пугливые. Другие даже к лодке подплывают, если им кусочки бросать. Мать в камыши, а они хоть бы что.

Подошёл срок — утята оперяться начали. Нелыханное дело на озере: утка серая, а утята белые. И серые и белые между собой в ладу. Ни драки, ни разногласий. Ничего. Всем корму хватает. Я день-деньской с озера не ухожу. Осени жду. Не нагляджусь на белых утят.

Подошла осень.

Затабунились утки. Волнение на воде. Разговор. Выводки в стаи объединяются. Пробные взлёты начались. Старые молодых к дальней дороге готовят. А белая молодь, что из подложных яиц вылупилась, сама по себе плавать стала.

Мы с дедушкой Макаром глаза готовы проглядеть. К себе молодь зовём. Прикармливаем — не идут. Своих, домашних уток подбрасываем, чтобы те привели их к нам на заимку, в утиный пригончик. Не получается.

Стали ждать, когда застынет озеро.

Недолго пришлось ждать. Настал счастливый день, ударил первый морозец. Сковало льдом озеро. Не всё: с краёв. А белые утки на середине держатся. Серые-то уж давно за море улетели. Тут дедушка Макар, не будь плох, стал овсеца им подкидывать, пшенички. Утки вышли на лёд, клюют. А потом мы с дедушкой ов-

сяную дорожку стали насыпать. От озера — в свой пригончик. Своих, домашних уток опять для приманки выпустили. Ключуло ведь дело! До единой к нам в пригончик пришли да ещё двух-трёх уродцев из диких привели, которые улететь не могли.

Так оно и началось. Не один год мы с дедушкой уток обманывали. Не для забавы уж, а для дохода. А потом войны пошли... Дедушка Макара умер... Забыли озеро.

Годы, дожди да ветры нашу пластыночку с землёй сровняли...

А недавно, когда я сам дедом стал, меня тоже к тишине потянуло. И главное, как вышло-то это. Инкубатор у нас завели. Большенький инкубатор, сотни на две яиц. Хорошо дело пошло. Яйца закладывают, электрическое тепло из них утят, гусят, даже индеек выпаривает. Тут-то я и вспомнил свои ребяческие годы да дедушку Макара. Вспомнил и выступил на собрании.

— Инкубатор, — говорю, — штука хорошая. Только, — говорю, — инкубаторных-то утят кормить надо. А дикая, — говорю, — утка по нашей местности — даровой инкубатор и даровая кормилица.

Рассказал всё, как было. Меня, конечно, на смех подняли. Да только не все смеялись — нашёлся человек, который ко мне вечером заглянул, а наутро мы с ним на озеро в его машине покатались.

Недели не прошло — заповедником это озеро сделали. Меня в водяные произвели, главным

начальником поставили. Дом, видишь, какой сгрохали. Племенной утятник построили. Пятьдесят несущек поселили. Птичницу прикомандировали.

А что касаясь подмены яиц в диких утиных гнёздах, этим теперь детвора занимается. Как уткам садиться в гнёзда, то из одного класса десятков помощников пожалует, то из другого пятнадцать весёлых утиных обманчиков приедут. Живёхонько гнёзда разведуют, подмену производят — и на том же грузовике домой.

Теперь, я думаю, тебе не надо досказывать, почему это озеро у нас Обманным прозвали. И так ясно.

МАМА И МЫ

Если обо всём своём детстве говорить, недели, пожалуй, мало будет. А так, кое-что — пожалуйста. Вот, например, случай был...

Мы задержались в школе, потому что заканчивали выпуск стенной газеты. Когда мы вышли, уже смеркалось. Было тепло. Падает крупный, пушистый снег. Видимо, поэтому Тоня и Лида дорогой танцевали танец снежинок. Мой младший брат, ожидавший меня, чтобы идти вместе, подсмеивался над ними:

— Скажут, как первоклассницы!

Снег падал всё гуще и гуще. Танцевать стало нельзя. Снегу навалило до половины валенка.

— Не заблудиться бы! — предупредил нас, на

правах самого дальновидного, мой младший братец.

— Да ну тебя, трусишка! — отозвалась Лида. — Через пятнадцать минут будем дома.

Снегопад между тем усиливался. Забеспокоился и я, зная, как жестоки наши степные сибирские метели. Случалось, что люди теряли дорогу, находясь близ своего дома. Я посоветовал прибавить ходу, но это сделать уже было нельзя по глубокому слою снега, покрывшему дорогу.

Стало ещё темнее. Наступила какая-то белая снежная темнота. А потом началось то, чего я опасался. Снежинки вдруг закружились... Закружились в таком танце, что через несколько минут началась настоящая пурга, вскоре перешедшая в большой буран.

Девочки закутали лица платками. Мы с Федей опустили у шапок уши. Узенькая дорожка, которая вела в наше сельцо, то и дело исчезала под ногами. Я шёл первым, стараясь не потерять под ногами дорожный накат. До дому оставалось менее версты. Я верил, что мы выберемся благополучно.

Напрасно.

Дорога исчезла. Будто её из-под ног украл кто-то очень недобрый из сказки моей бабушки. Может быть, Шальная Метелица... может быть, злой старик Буран Буранович.

— Вот, я же говорил! — упрекнул нас Федя.

Лида ещё бодрилась, а Тоня почти плакала. Она уже побывала в пурге со своим отцом. Она ночевала в снежной степи. Но тогда в санях был

запасной тёплый тулуп, и Тоня, укрытая им, благополучно проспала ночь. А теперь?

Теперь мы уже выбивались из сил. Я не знал, что делать дальше. Снег таял на моём лице, и лицо от этого обледеневало. Ветер свистел на все лады. Чудились волки.

И вдруг в вое ветра я услышал спокойный голос матери:

«Кого ты испугался? Пурги? Тебе хочется кричать? Кто тебя услышит при таком ветре! Может быть, ты надеешься, что вас найдут собаки? Зря. Какая собака пойдёт в степь при такой погоде! У тебя осталось только одно: зарыться в снег».

Я так отчётливо слышал голос моей матери, отлично зная, что маминым голосом я разговариваю сам с собой в моём воображении. И я сказал:

— Мы сбились с дороги. Мы можем выбиться из сил и замёрзнуть. Давайте зарываться в снег, как это делают кочевники.

Видимо, я объявил об этом так твёрдо, что никто не возразил мне. Только Тоня плачущим голосом спросила:

— А как?

И я ответил:

— Так же, как куропатки.

Сказав так, я первым начал рыть колодец в глубоком февральском снегу. Я его начал рыть сначала школьной сумкой, но сумка оказалась толста; тогда я вынул из сумки географический атлас в прочном картонном переплёте. Дело пошло быстрее. Меня сменил брат, потом Тоня.

Тоня даже развеселилась:

— Тепло как! Попробуй, Лидочка. Разогреешься.

И мы стали поочерёдно рыть колодец в снегу. После того как колодец достиг нашего роста, мы стали прорывать пещерку в его снежном боку. Когда метель заметёт колодец, мы окажемся под снежной крышей вырытой пещерки.

Вырыв пещерку, мы стали размещаться в ней. Ветер вскоре замёл снегом колодец, не задувая в пещерку. Мы оказались под снегом, как в норе. Будто тетерева. Ведь и они, бросаясь с дерева в сугроб и «утонув» в нём, потом проделывают подснежные ходы и чувствуют себя там самым великолепным образом.

Усевшись на школьные сумки, согревая своим дыханием маленькое пространство нашей каморки, мы почувствовали себя довольно уютно. Если бы ко всему этому ещё оказался огарок свечи, мы могли бы видеть друг друга.

У меня был с собой кусок свиного сала, оставшийся от завтрака. И если бы спички, я бы сделал фитиль из носового платка и у нас бы появился светильник. Но спичек не было.

— Ну вот, мы и спаслись, — сказал я.

Тут Тоня неожиданно объявила мне:

— Коля, если захочешь, я подарю тебе моего Топсика.

Топсиком назывался ручной суслик.

Суслик мне был не нужен. Я ненавидел сусликов. Но мне было очень приятно Тонино обещание. Я понимал, чем вызван этот щедрый по-

рыв души. Да и все понимали. Не зря же Лида сказала:

— Ты, Николай, теперь у нас сила! Мужчи-на!

В её голосе я снова услышал голос мамы. Видимо, в каждой женщине, даже если ей всего только двенадцать лет, есть какая-то материнская хитринка, подбадривающая мужчину, если этому мужчине тоже только двенадцать лет.

Я почувствовал себя в самом деле сильным и стал рассказывать бабушкины сказки. Я их стал рассказывать потому, что боялся уснуть. А когда я усну — уснут и остальные. А это было опасно. Можно замёрзнуть. Одну за другой я рассказал, наверное, тридцать, а может быть, и больше сказок. Когда же вышел весь запас бабушкиных сказок, я стал придумывать свои. Но, видимо, придуманные мною сказки были скучными. Послышался лёгкий храпоток.

— Кто это?

— Это Тоня, — ответила Лида. — Она уснула. Мне тоже хочется спать. Можно? Я вздремну только одну минуточку.

— Нет, нет! — запретил я. — Это опасно. Это смертельно опасно.

— Почему же? Смотри, как тепло!

Тут я нашёлся и соврал так удачно, что после этого никто не пожелал даже дремать. Я сказал:

— Волки нападают на спящих. Они только того и ждут, чтобы услышать, как храпит человек.

Сказав так, я привёл уйму случаев, выдумываемых мною с такой быстротой, что даже не верится сейчас, как это я мог...

Теперь рассказывали другие. По очереди.

Время шло медленно, и я не знал, полночь сейчас или, может быть, уже брезжит рассвет. Колодец, вырытый нами, давно замела пурга.

Пастухи-кочевники, оказываясь в таком же положении, выставляли из снега высокий шестик. Они специально брали его в степь на случай бурана, чтобы потом их можно было найти, отрыть.

У нас не было шеста, и нам не на что было надеяться. Только на собак. Но и они бы не учуяли нас сквозь толщу снега.

Моё сало давно было разделено и съедено, как и Лидин ломоть хлеба.

Всем казалось, что уже настало утро, и хотелось верить, что пурга кончилась, а я боялся прорываться наверх. Это значило забить снегом пещерку, вымокнуть и, может быть, очутиться снова в белой снежной мгле. Но каждый из нас понимал, какое беспокойство мы причинили всем. Нас, может быть, ищут, кличут в степи... И я представил свою маму, которая кричит сквозь ветер: «Колюнъка... Федюнъка... Отзовитесь!..»

Подумав об этом, я стал прорываться наверх. Снежная крыша над нами оказалась не столь толста. Мы увидели бледнеющую луну и гаснущие звёзды. Занималась какая-то сонливая, словно невыспавшаяся, бледная заря.

— Утро! — крикнул я и стал проделывать ступени в снегу, чтобы выбраться остальным.

С неба сыпались запоздалые снежинки. Я сразу же увидел наш ветряк. Дым из труб поднимался тонкими, будто туго натянутыми струнами. Люди проснулись. А может быть, они и не спали в эту ночь...

Вскоре мы увидели наших ребят. Они обрадованно бежали к нам и кричали:

— Живые! Все четверо! Живые!

Мы бросились к ним навстречу. Я не стал медлить и слушать, что рассказывали об этой ночи, обо мне Тоня и Лида. Я побежал к нашему домику.

Саней на дворе не было — значит, отец ещё не вернулся. Открыв дверь, далеко оставив за собой Федюнъку, я бросился к маме. Бросился и... что было, то было... и заплакал.

— Да о чём ты? — спросила мать, утирая мне слёзы передником.

И я сказал:

— О тебе, мама... Ты, наверное, голову потеряла без нас.

Мать усмехнулась. Освободилась от моих объятий и подошла к кровати Леночки. Это наша младшая сестра. Подошла и поправила одеяльце. И сказала ей: «Спи». Хотя та и без того спала, и одеяльце незачем было поправлять. Потом она подошла к подоспевшему Федюнъке и спросила:

— Валенки не промокли?

— Нет, — ответил он. — Под валенками атлас был. Полушубок вот подмок. Есть я хочу...

— Переобувайтесь да живо за стол, — сказала мать, ничего не спросив о минувшей ночи.

«Да любит ли она нас? — впервые подумал я. — Любит ли? Может, эта ревунья Леночка у неё один свет в глазу?»

Когда мы съели по две тарелки горячих щей, мать сказала:

— Я постлала, ложитесь. В школу не пойдёте. Нужно выспаться.

Я не мог уснуть, а спать хотелось. Я пролежал до полудня в тёмной горнице, с закрытыми ставнями.

Нас позвали обедать. Приехал отец. Он уже знал всё от Лиды и Тони. Он хвалил меня. Обещал мне купить маленькое, но настоящее ружьё. Он удивлялся моей находчивости.

А мать?..

Мать сказала:

— Парню тринадцатый год. И смешно было бы, если бы он растерялся в метель да себя с товарищами не спас.

— Анюта!.. — укоризненно заметил отец матери.

А мама перебила отца и сказала:

— Ешь давай! Каша стынет. Хватит разговоры разговаривать! За уроки им братья надо. Ночь пробродяжничали, день потеряли...

После обеда Тоня принесла мне Топсика. Я не взял его.

Лидина мать, Марфа Егоровна, явилась с большим гусаком и, низко поклонившись матери, сказала:

— Спасибо тебе, Анна Сергеевна, что такого сына вырастила! Двух девок спас. У Тоньки-то сестры есть, а Лидка-то ведь у меня одна...

Когда Марфа Егоровна кончила свои причитания, мама сказала:

— Как тебе не стыдно, Марфа, моего недотёпу Кольку героем выставлять! — И, повернувшись, наотрез отказалась взять гусака.

Вечером мы остались с бабушкой вдвоём. Мать ушла на станцию, к фельдшеру. Сказала, что угорела — болит голова.

С бабушкой мне всегда было легко и просто.

Я спросил её:

— Бабушка, хоть ты скажи мне правду: за что нас так не любит мать? Неужели мы в самом деле такие нестоящие?

— Дурень ты, больше никто! — ответила бабушка. — Мать всю ночь не спала. Ревела как умалишённая... С собакой по степи вас искала. Колени обморозила... Только ты ей, смотри, об этом ни гугу! Какова она есть, такую и любить надо. Я её люблю...

Вскоре вернулась мать. Она сказала бабушке:

— Фельдшер дал порошки от головы. Говорит, чепуха. Через месяц пройдёт.

Я бросился к матери и обнял её ноги. Сквозь толщу юбок я почувствовал, что её колени забинтованы. Но я даже не подал виду. Я никогда ещё не был так ласков с нею. Я никогда ещё так не любил свою мать. Обливаясь слезами, я целовал её обветренные руки.

А она всего лишь, как бы между прочим, буд-то телёнка, погладила меня по голове и ушла, чтобы лечь. Видимо, стоять ей было трудно.

В холодной холе растила и закаливала нас наша любящая и заботливая мать. Далеко смотрела она. И худого из этого не получилось. Федюнька теперь дважды Герой. И про себя я кое-что мог бы сказать, да матерью строго-настрого завещано как можно меньше говорить о себе.

НАБОЛЬШИЙ

В деревне Карасинской я не был года три. Меня переводили под Славгород. А потом я вновь вернулся в знакомую деревеньку и снова поселился у Тычкиных.

Тычкины меня приняли как родного. И мне было радостно встретиться с этой крепкой, старожильской сибирской семьёй. Разговаривая о том о сём, старуха спросила меня:

— А шапку-то хоть нажил там?

— Нажил, — ответил я, — да прожил. Заячья была. Износилась.

— Корсачью надо. Тебе этот мех к лицу, — посоветовала невестка Тычкиных Настя. — Споймал бы корсачка, вот тебе и треушок.

— Да как я его поймаю? Это ведь хитрый зверь.

— А ты его выдymi — да сеткой. Мой набольший тебя научит, — сказала Настя, — как корсаков из нор дымом выгонять.

— Да сколько же лет теперь твоему набольшему?

— Порядком уж. Мужик в полную силу. Десятый год Стёпе на той неделе пошёл.

— Ну, тогда нечего и говорить, — согласился я с тем же юмором без улыбки, какой свойствен был Тычкиным да, впрочем, многим сибирякам.

...И мне вспомнился дождливый осенний день. В луже посреди двора стоял Стёпка. Он был в одной короткой рубашонке и в сапогах.

Стёпочка, размахивая кнутом, сражался с драчливым петухом. Петух набрасывался на него, а Стёпа, стоя посреди лужи, был защищён водой. Озлобленный петух забежит в лужу по шпороину — и с криком обратно. А мальчик тем временем успевает стегнуть кнутом петуха. Птица с криком взлетает и снова предпринимает атаку. А Стёпа смеётся, дразнит петуха. Его синие глазёнки горят воинственным задором. Ветер раздувает удивительно белые и тонкие волосы. Он без штанов. Ножонки его порозовели на холодном ветру. На голени заметна царапина — петух успел изловчиться и поранил противника...

Птица снова с криком переходит в наступление и, поскользнувшись, оказывается в луже. Мокрый и обескураженный, петух даёт тягу.

Стёпочка звонко хохочет. Смеётся и счастливая мать, тайно вместе со мной наблюдавшая из окна сцену боя драчливого петуха с её сыном.

Стёпу зовут домой. Моют в корыте. Он капризничает. Скандалит. Жалуется на мыло, попавшее в глаза. Потом пьёт тёплое молоко и укладывается спать.

...И вот теперь, спустя три года, вошёл в горницу крупный розовощёкий парень. В плисовых штанах, заправленных в сапоги. В вышитой косоворотке. Он не узнал меня — забыл. Но сказал:

— Здорово живём!

Я поздоровался с ним и спросил:

— Правда ли, Степан, что ты корсаков можешь выдымливаться?

— Могу, да дельных напарников нет. Им бы торопиться только. А зверя с умом выдымливать надо. Ждать.

— Это верно, — согласился я. — Ты меня возьми.

— А чем дымить у тебя есть? Своё дымило я на два капканчика променял.

— Найдём, Стёпа! Найти бы нору...

— Эка невидаль! Я их штук пять заприметил. Хоть одна-то из них будет не пустая.

— Не может иначе и быть, — со всей серьёзностью подтвердил я. — Значит, по рукам?

— По рукам, — сказал Стёпа и попросил у бабушки есть.

Ел он тоже солидно, аккуратно, не роняя крошек, как бабушка учила. Не залюбоваться таким парнем — значит ничего не понимать в детях.

Дымило я нашёл. Оно ничем не отличалось от дымарки, какой обычно окуривают пчёл.

Разница была лишь в наконечнике в виде изогнутой трубки, которая вставлялась в нору.

Мы вышли в степь утром. Я нёс дымило, а Стёпа — сетку с обручем. Даже две.

Перевалив невысокую гриву, мы оказались на пустынной целине.

— Это самое корсачье место, — предупредил меня Стёпа. — Бросай курить, Фёдор. Они, как кержаки, дыму не любят.

Стёпа шёл точно к норе и, когда подвёл меня к ней, тихо сказал:

— Это первая. Ищи выходы. Выход у них не один.

До этого я знал, что корсаки, как и лисы, вырывая нору, делают несколько выходов на случай опасности. Вскоре я их нашёл два, кроме главного, который Стёпа называл «большими воротами».

На выходы были положены сетки с обручами. Сетки Стёпа распёр и приподнял стеблями полыни, чтобы корсак, выскочив, не встретил препятствия. Обручи сеток Стёпа прикрепил дужками из толстой проволоки.

— А теперь давай забивать этот ход, который ты не приметил, — указал он на третий выход норы, вовсе не щеголяя своим охотничьим превосходством.

Этот ход мы забили сухими стеблями, землёй, затем Стёпа велел «для крепости заступить его лопатой». Наступив на главный вход норы, на «большие ворота», мой набольший разрешил мне курить и велел раздувать дымило.

Я положил в дымило трут, поджѣг его, навалил углей и стал раздувать. Когда угли разгорелись, Стѣпа принялся класть в дымило куски кизяка, тряпьѣ, которое, по его выражению, «дымит куда как ядовито». Затем всё это он насыпал «горючей серой», потом сказал:

— Давай дыми в «ворота», а я с батиком стану на выходах.

Я и не заметил, что к поясу Стѣпы была привязана палка. Это был ствол молодой берѣзки, выкопанной с корнем. Обработанным корневищем батика обычно ударяли по голове корсака, попавшегося в сетку.

— Живьѣм-то бы лучше, — сообщил мне Стѣпа, — но ежели он начнѣт прогрызать сетку, тогда придѣтся стукнуть. Давай, парень, не разевай теперь рот! Выдымливай!

И я принялся дымить, вставив изогнутый конец трубки дымаря в главный ход норы. Стѣпа поправил меня — насыпал землѣй трубку, чтобы дым не пропадал даром, а «полняком шѣл в нору». Правильное замечание.

Хотя я и относился к Стѣпе с добродушной насмешливостью, всё же сейчас я почувствовал его первым охотником, а себя — вторым. Ведь он уже добыл на своём веку шесть корсаков, а я — ни одного.

Спустя некоторое время дым показался из ближнего выхода.

— Давай, паря, дыми, дыми! — приказывал Стѣпа. — На полный мех шевели, чтобы ему ноздри разъело.

И я дымил «на полный мех», качая мехи правой рукой и левой придерживая дымило.

Так прошло немало времени. Корсак не появлялся.

— Степан Кузьмич, — обратился я к своему наибольшему, — никак, на пустую нору напали?

Только я произнёс эти слова, как Стѣпа крикнул:

— Эх, сундуки! Проглядели... Вон он где! Сыпь теперь ему соли на хвост — остановится.

Оказывается, мы проглядели четвёртый выход, и серая степная лисичка — корсак — воспользовалась именно этим выходом.

— Значит, пропало наше дело! — с грустью сказал я.

— А ты, паря, не горюй, — посоветовал мне Стѣпа. — Заслоняй ход. Забивай его. Один выскочил, а другой, может быть, там.

Охотничий пыл меня бросал слегка в дрожь, когда я заделывал четвёртый выход.

Стѣпа, заметив это, сделал замечание:

— С такими торопыгами сам торопиться начинаешь... Ну да ничего. Это корсачонок выбежал: ноздри у него не выдержали. А матѣрые в норе.

И он не ошибся. Не прошло и двух-трѣх минут дымления, как в сетке оказалось сразу два корсака.

Стѣпа молниеносно скрутил их там и крикнул мне:

— Давай их живьѣм в мешок!

Я помог ему скрученных и запутавшихся в сетке корсаков положить в мешок и туго свернуть его, так, чтобы звери лишились возможности двигаться. Пока мы этим занимались, из норы, освободившейся от сетки, выбежали ещё три корсака: матёрые и корсачонок. Стёпа ударил себя кулаком по лбу.

— Так тебе и надо, старый дурак! — сказал он себе, видимо повторяя слова деда. — Не заступил нору... И всё ты, Фёдор! — напустился он на меня. — Вам, городским, только двустволками в чаек пулять, а не то чтобы зверя брать...

Корсаков, не заходя в деревню, мы доставили на станцию, где сдали их живьём.

Сдавая, Стёпа сказал:

— Мне ситцем, а ему шапкой рассчитывайтесь.

За живых корсаков уплатили вдвое. Зверьков посадили в клетку вместе с тремя другими, сказав, что теперь их можно отправлять в Омск, какому-то учреждению со странным названием «Живзверьзагот».

Я получил хороший корсачий треушок. Мне ещё причиталась «сдача»: ситцем, нитками, чаем, керосином — чем я пожелаю. От «сдачи» я отказался и попросил приплюсовать её к доле наибольшего зверолова, но тот сказал на это:

— Уговор был у нас — исполу. Исполу и получай.

Тогда, чтобы не обижать моего дружка-товарища, я выбрал себе цветной шарф, и мне ещё дали катушку ниток. Стёпа взял только ситец.

Когда ему намерили положенное, он попросил на бумажке написать, «во сколь ценили корсаков и сколько и почём намерили ситцу».

Продавец исполнил это и, попрощавшись со Стёпой за руку, сказал:

— Если что, Стёпа, будет опять — отоварим по твоему усмотрению.

— Бывайте здоровы! — помахал рукой Стёпа, взваливая мешок с ситцем за плечи.

Когда мы пришли в Карасинскую, Стёпа деловито положил мешок перед матерью и сказал:

— Ситчишко, маманя, тебе на платье и свекровке на юбку.

— Спасибо тебе, родимец, — целовала его старуха, — за то, что ты свекровку-колотовку не забываешь!

Когда сели ужинать, Степан попросил «испить с устатку» жбан браги. Мать поставила брагу. Он отхлебнул глоток и сделал замечание:

— Беда, какая ядрёная! Для меня пожиже надо варить да сахару класть.

— О чём разговор! — согласилась бабушка. — Сказано — сделано.

Об охоте Стёпа не начинал разговора первым. Это могло выглядеть несолидно. И лишь когда вернувшийся с заимки отец спросил его: «Как зверовали, мужики?» — Стёпа скупно рассказал об охоте, не роняя моего достоинства, а даже похвалил меня:

— Из Фёдора будет толк. Может...

Взрослые переглянулись, не обронив, однако, ни единой усмешки.

Перед сном мать мыла Стёпу в корыте на кухне. Стёпа капризничал, скандалил. Жаловался на мыло, которое ему ест глаза. Потом ему велели выпить кружку парного молока и уложили спать.

ТОЛКОВЫЙ МАЛЬЧИК

Из всех дедушкиных былей-небылей Миша больше всего любил рассказ про хмельную вишню. Рассказ про то, как жадная мельничиха, чтобы не выбрасывать вишню, на которой настаивала настойку, решила скормить ягоды уткам. И как утки съели эти хмельные ягоды и повалились вверх лапками.

Очень смеялся Миша, когда жадная мельничиха хмельных уток приняла за дохлых и ощипала их до перышка, чтобы добро не пропадало.

Ещё громче хохотал Миша над концом рассказа, когда голые, ощипанные утки в себя пришли. Ожили. На ноги поднялись, и мельничиха на всю улицу выла: уток жалела.

И дед хохотал, рассказывая внуку эту смешную байку.

А внук вдруг задумался и сказал:

— А что, дедушка, если лесную птицу хмельными ягодами накормить... Бери тогда больших тетеревов без ружья.

Дед вначале посмеялся над внуковой выдумкой, а потом задумался. И было над чем.

В тайге зимой тетерева держатся стайками. Голодные птицы падки на всякую пищу. И если насыпать тетеревам хмельных можжевельных ягод, брусники, черники и всего того, чем они кормятся, может быть, и в самом деле без ружья можно будет птицу добывать.

Поразмыслил дед над внуковой подсказкой и принялся настаивать хмельные ягоды. Хоть и не верил дед в эту хитрость, а отчего не попробовать, внука не потешить.

Настоял дед множество ягод. Чуть не целое лукошко их наморозил. Отправился с внуком в тайгу на тетеревиное место. Поставил кормушечку в виде столика, насыпал на стол хмельное угощение и был таков.

— Вечером, внук, придём. Посмотрим, что будет.

Пришёл Миша с дедом под вечерок. Крадутся к полянке. Видят: по кормушке большущий тетерев ходит. Пошатывается.

— Не спугнуть бы, — предупреждает дед.

Какое там! Тетерев себя не помнит — никого не видит. Бормочет, как пьяный дурак. Бери и клади его в мешок.

Так и сделали.

— А корм где? — спрашивает дед. — Неужто всё лукошко ягод один съел?

Сказал так и видит: неподалёку от кормушки другой пьяненький тетерев валяется. А потом и третий...

Стали ходить вокруг хмельной привады и столько хмельных тетеревов набрали, что и мешок тесен оказался.

Чуть не в пляс пустился дед. И не столько добыче рад, сколько тому, что внук его, Миша, сообразительным, толковым мальчиком растёт. А это всего дороже.

Дорого было и то, что не для гибели внук заполучил столько тетеревов, а для пользы оскудевших дикой царь-птицей лесов. На другой день приехали из птичьей переселенской конторы и спрашивают:

— Ну как, Мишенька, протрезвели твои крылатые забулдыги?

— В полной исправности, — отвечает вместо Миши дед. — Только я им для опохмелки ещё винной брусники подсыпал, сонными-то им легче будет в клетках дальнюю дорогу перенести. И не почуют, как за тысячи вёрст окажутся и дальний лес за свой родной примут. Примут и птенцов высидят. А птенцы-то, — шутит дед, — подрастут и постоянную прописку получают: тульскую, брянскую, московскую, питерскую... Одним словом, ту, куда умчат их на «Ту»...

Счастливый Миша получил за бескровную охоту что положено и хороший сон увидел. Тетерев к нему прилетел и пробормотал, на спинке стула сидючи:

— Спасибо тебе, Михаил Семёнович, за то, что ты меня без моего испуга взял, страху не нагнал в меня и в богатый кормом лес переселил...

За это жалую тебе почётный значок на школьную курточку...

Удивительного в том нет, что тетерев во сне Мишу значком за охрану природы наградил. Во сне всякое случается. Но то, что проснувшийся Миша на своей школьной курточке приколотый тетеревиной лапой значок за охрану природы увидел, это уж ни в какие ворота не лезет, если не считать, что у внука дед был, который умел всякие и разные сны показывать и своего Мишеньку похожим на себя растить... Добрым, умным, толковым мальчиком...

РАЗНЫЕ ЦВЕТЫ

Ромаше Ваганову до всего было дело. Он всё принимал близко к сердцу. Всюду старался приложить свои руки.

На его глазах вырос посёлок Никитово. Он помнит, как в ковыльной степи закладывали первый дом. А теперь красуются три улицы да ещё намечаются две. Никитово будет маленьким совхозным городком. Так его можно назвать и теперь. В посёлке есть и школа и почта, два магазина, детский сад, но нет цветов. Почти нет. Нельзя же считать цветами долговязые мальвы да крошечные маргаритки, которые растут в двух-трёх палисадниках. Цветы — это розы, пионы, тюльпаны, георгины, нарциссы, флоксы и другие, которые так нарядно «цветут» на страницах книг о цветах и цветоводстве. Та-

ких книг, надо сказать, в магазине посёлка было достаточно, а цветочных семян — ни пакетика. Наверно, магазину не до семян, потому что самые главные товары едва успевают завозить. Заведующий магазином прямо сказал:

— Не разорваться же мне...

Прав он, конечно. У него забот без цветочных семян достаточно, а всё-таки он своего милого племянника Стасика не забыл. Подарил ему семена. Разные. Стасик сам говорил об этом в школе. Стасик хоть и не плохой мальчишка, а любит похвастаться.

Конечно, Ромаша мог бы у Стасика Поливанова попросить семян, да как-то язык не повернулся. Не любит Стасик с другими делиться. Он не то чтобы жадненький, а какой-то чересчур бережливый. Мяч футбольный и тот жалеет, хотя одному никак нельзя даже в самый простой футбол играть. Хоть двоих, да надо: один мяч в ворота загоняет, а другой ворота защищает. Поэтому ребята в классе старались у Стасика ничего не просить. Махнул Ромаша рукой на Стасика и пошёл к дедушке. Дедушку тоже Романом звали. Сидят два Романа в натопленной кухне и совещаются о цветах. Совещались они, совещались, придумали разные ходы-выходы, а потом дед и говорит:

— Ромка, свет-то ведь не клином сошёлся. И неужели всё дело в Стаськины семена упёрлось? Мир-то ведь велик. Разве мало у нас народа живёт, которым некуда деть цветочные семена!

— Это верно, дедушка, — сказал Ромаша, — но ведь как узнаешь, у кого лишние семена есть.

— Да ведь ты грамотный человек, — говорит дед, — кликни клич, что, мол, так и так, в хорошем посёлке Никитово всё есть, а с цветами конфуз получается.

— А как я клич кликну, — спрашивает внук, — по радио?

— Можно и по радио, но через газету вернее. Все прочитают. И хоть один человек, да откликнется.

Долго сочинял Ромаша письмо. Дед в двое очков читал написанное. Исправлял. Советовал. Подсказывал. И наконец получилась короткая хорошая заметка. Ничего в ней ни у кого не просил Ромаша, а рассказывал то, что есть. Про новую школу, про электрическое освещение, про широкие улицы, про хорошие дома... Ничего не выдумал. Всему точное слово вместе с дедом нашёл, а потом перешёл на цветы. Не жаловался, а просто сказал: «Так уж случилось, что не до цветов пока было нам в молодом целинном посёлке Никитово. С другими делами еле справлялись». А потом в самом конце приписал:

«Хорошо бы, если бы кто-нибудь прислал нам хоть немного цветочных семян. Ни одному бы семечку пропасть не дали».

Подписал своё имя и фамилию Ромаша, указал адрес посёлка, перечитал написанное, проверил до запятой и послал заказным письмом в «Пионерскую правду».

А вдруг да в самом деле напечатают! А если

не напечатают, то все равно напишут ответ и скажут, куда ему лучше всего обратиться. Время ещё терпит. За окном ещё метелицы метут, а снег и не думает таять.

Почти каждый день дед с внуком о письме вспоминают, дни считают, ответа ждут.

А потом, как это и бывает, забыли о письме. У Ромаша школьные дела. А у Романа Васильевича тем более прибавилось работы с приближением весны.

А письмо Ромаша между тем было прочитано в редакции, похвалено и напечатано. Ромаша и не знал, получив номер «Пионерской правды», что в нём красуется в рамочке с цветочками его заметка. Он, как всегда, пришёл в школу, сунул в парту свою сумку и решил сбежать в уголок живой природы, проверить, как себя чувствуют ежи. В коридоре его остановил Стасик.

— Пришлют, думаешь? — спросил он.

— Ты о чём?

— О газете.

В руках Стасика была газета «Пионерская правда» с заметкой. Ромаша хотел взять газету, но верный себе Стасик сказал:

— Я сам ещё не всю прочитал...

Ромаша не успел сказать Стасику то, что нужно было сказать, как в его руках оказалось сразу три газеты.

Какое счастье читать в газете написанные тобою слова! Не беда, что заметку немножечко сократили. Зато жирными буквами приписали от редакции очень хорошее обращение. Редакция

надеялась, что школьники посёлка Никитово не останутся в этом году без цветочных семян. И надежды редакции оправдались. Не прошло и дня, как пришли сразу три телеграммы о присылке семян. Затем пошли письма. Никогда ещё в Никитовское почтовое отделение не приходило столько писем, бандеролей и посылок: ящики с луковицами, корневищами, черенками, отводками.

И у каждого, и у всех появились цветы. Они зацвели в палисадниках перед окнами, в школьном саду и на площади посёлка. Они зацвели возле почты и у магазина. Они появились и в глиняных горшках на подоконниках домов. И все говорили о цветах.

Молчал только Стасик. Цветы не радовали его. Они не то посмеивались над ним, не то упрекали его, и Стасик старался обходить их. Но этого сделать было нельзя. Этого сделать было нельзя вовсе не потому, что Стасик всюду встречался с цветами, а потому, что никому не удавалось уйти от своей памяти, от своей совести. Не ушёл от них и Стасик.

Ребята уже забыли, что Стасик пожалел для них цветочные семена, а он помнит и никогда не забудет этого.

ЧУЖАЯ КАЛИТКА

Алёша Хомутов рос мальчиком старательным, заботливым и работающим. Его очень любили в семье, но больше всех Алёшу любил дедуш-

ка, любил и, как мог, помогал ему расти хорошим человеком. Не баловал дед внука, но и не отказывал в том, в чём можно не отказать.

Попросит Алёша научить его ловушки на хорьков ставить — пожалуйста. Трудно ли деду показать, как эти ловушки ставятся! Дрова пилить вздумает Алёша — милости просим! Дед за одну ручку пилы держится, внук — за другую. Помучится парень, да научится.

Так и во всём... Красить ли крылечко задумает малец, огурцы ли на окошке в ящике выращивать — дедушка ни в чём не отказывал. Одного только от внука требовал:

— Коли берёшься за дело — доводи его до конца. А если видишь, что дело тебе не по рукам, — подожди, когда вырастешь.

Вот так и жил Алёша. Всех в своей большой семье радовал и сам радовался, настоящим человеком себя чувствовал, и другие его таким же называли.

Хорошо на свете жить, когда тебя люди хвалят, когда всё тебе удаётся. Даже в пасмурный день на душе светло и весело. Но как-то и с удачливым Алёшей случилось такое, что пришлось призадуматься...

А всё началось с того, что пошёл он с дедом в лес тетеревов добывать. А дорога в лес шла через садовый питомник, где выращивались молодые деревца. Питомник был хорошо огорожен. Поэтому что и стадо может забрести да повытоптать саженцы. И лосей теперь столько развелось, что они даже в село, как домой, приходят. А уж про

зайцев и говорить нечего — обгложут кору молодых яблонек или груш — и конец.

Пришёл Алёша с дедом к питомнику и видит, что калитка открыта. Хлопает калитка на ветру. Щеколда у калитки оторвалась. Заметил это Алёша и говорит дедушке, как взрослый:

— Хозяева тоже мне... Пустое дело на три шурупа щеколду привернуть, а не хотят... Потому что чужая щеколда и ничья эта калитка...

— Что говорить, Алёшенька, — поддержал дедушка разговор, — и петли бы у калитки не худо сальцем смазать, а то, того и гляди, переест их ржа и калитка на землю свалится...

— И свалится, — подтвердил Алёша, — она и так еле-еле держится. Плохо, дедушка, быть чужой калиткой...

— Да уж куда хуже быть чужой калиткой, — опять согласился с внуком дед, — то ли дело наша калиточка. И синей красочкой она тобой покрашена, и петельки чистым нутряным сальцем смазаны, и щеколда у неё «трень-брень», как музыка... Своё — оно и есть своё.

Тут дед посмотрел на внука, улыбнулся чему-то и дальше зашагал. Прошли они сколько-то — может, километр, может, два — и решили на скамейке посидеть на лесной просеке.

— А чья, дедушка, эта скамейка? — вдруг спросил Алёша.

— Ничья, — ответил дед, — чужая. Какой-то человек взял да вкопал два столбика, да прибил к ним доску. Вот и получилась скамья. Ко-

му надо — отдыхай. Никто этого человека не знает, а все спасибо ему говорят... Только скоро эта скамейка тоже, никак, кончится. Столбики у неё подопрели. Ну, так ведь чужая скамья, и никому до неё нет дела. Не то что наша у ворот, ухоженная да покрашенная...

Тут дед снова посмотрел на Алёшу, потрепал его за розовую щёчку и опять улыбнулся чему-то.

В этот день они добыли трёх тетеревов. Из них двух Алёша выследил. Дома шуму-гаму было выше потолка.

— Вот так охотник растёт у нас! — нахваливает Алёшу мать. — Подстрелить тетерева всякий может, а выследить его редкий умеет.

Весёлый был ужин в этот воскресный вечер, но Алёша почему-то молчал и о чём-то думал.

— Устал, наверно, милый сын? — спросил Алёшу отец.

— А может, с дедом не поладил? — спросила бабушка.

— Да нет, нет, — отмахнулся Алёша, — не устал и поладил с дедушкой. Очень даже поладил.

Прошла неделя, а может быть, и две. Опять старого да малого послали в лес. Зайца напихивать решили.

Отправились дед с внуком по первому снегу на охоту. Опять пошли через садовый питомник. Глядит дед — и глазам не верит. У чужой калитки не только щеколда на хорошие шурупы привёрнута, не только её петли белым салом

смазаны, но и краска на калитке — как небо в мае месяце.

— Алёша, ты гляди, — указывает дед, — никак, у чужой калитки родня нашлась.

— Наверно, — отвечает Алёша и дальше идёт.

Шли они опять по старой дороге и на просеку вышли. Добрались до скамейки, где в прошлый раз отдыхали, а скамейки не узнать. Столбики новые вкопаны, доска той же синей краской покрашена, что и калитка, да ещё спинка у скамьи появилась.

— Вот тебе и на, — удивляется дед, — у ничьей скамейки хозяин нашёлся. Омолодил скамеечку, а спасибо сказать некому. Знай бы я этого человека, в пояс бы ему поклонился и руки бы ему пожал.

Тут дед снова заглянул в Алёшины глаза и спросил:

— А ты не знаешь, как звать этого мастера, Алексей?

— Нет, — ответил Алёша, — я не знаю его, дедушка. Знаю только, что весной наши ребята хотят школьную изгородь подновлять. Совсем покосилась. Она тоже чужая, а — наша.

— Это хорошо, — сказал дед.

— А что хорошо? — спросил Алёша.

— Хорошо, что ты мастера не знаешь, который скамью починил и чужую калитку за свою посчитал... А что касаясь школьной изгороди, — сказал дед, разводя руками, — я слов подобрать не могу... Видно, приходит,

Алёша, такое время, когда всё оказывается своё и наше...

Дед опять заглянул внуку в глаза. За лесом в это время поднялось позднее зимнее солнце. Оно осветило дым далёкого завода. Алёша залюбовался золотистым, окрашенным солнцем дымом. Дед заметил это и снова заговорил:

— А завод-то, Алёша, который дымит, тоже чужим кажется, если глядеть на него не подумавши... А он ведь наш, как и вся наша земля и всё, что на ней есть.

УПРЯМЫЕ ДРОВА

Андрюша Усольцев в детстве много хворал, а к двенадцати годам хвори оставили его, и он стал догонять своих сверстников. Догонять — в росте, в беге, в румянце, в выносливости.

— Всем хорош внук растёт, да характера отцовского не показывает, — сокрушалась Андрюшина бабушка. — Не одними, видно, белыми кудрями в мать пошёл, но и мягким сердцем, уступчивостью.

Для внучки это всё клад, а для внука бабушке хотелось бы погуще тесто, покруче норов. Не зря же прозвали её любимца «маменькин цветочек».

И, оставшись вдвоём с Андрюшей, Варвара Егоровна как бы между прочим принялась рассказывать:

— Отец-то у тебя, Андрей, в двенадцать лет боронил. За что хватался — не отпускался. Ни с

пашни, ни с поля боя не бегал. В деда Андриана уродился. Характер — как берёзовый сук. Хоть ты его колуном, хоть ты его клином, а он трещит, не колется. Серьёзные дрова... А в малые годы тоже — чем только не болел. Семьдесят семь хвороб. И золотуха, и краснуха, и ветреница. А потом выровнялся...

Старуха посмотрела на притихшего задумавшегося внука, ободрила его:

— Ну да ты ещё себя покажешь. И белые волосы чернеют. И узкая ладонь может пошире стать... Нынче тише мужают: уроков много задают...

Слушая бабушку, Андрюша чувствовал обиду за свою мать. Он хотя и не был доволен своими узкими ладонями и тонкими пальцами, но не сожалел об этом. Это были мамины руки. А в матери Андрюша любил всё, даже её некрасивую девичью фамилию — Недопёкина.

Мало ли каких обидных фамилий надавали при царях простым людям. Зато имя у матери было самое красивое на всём свете — Евгения. И отчество тоже поискать — Ильинична. А своими тонкими пальцами мать успевала подоить трёх коров, пока другие доили двух. Не такая уж она «недопёкина», как виделось бабушке.

«Нет, бабушка, — думал Андрей, — ты зря маму меньше отца любишь».

Три дня назад, уезжая в районную больницу, мать долго нацеловывала Андрюшу и наказывала быть ласковее с бабушкой. Андрюша и не был с ней груб. Только он тосковал без матери, пото-

му что они никогда не разлучались. А тут сразу две разлуки. Вторая — с отцом. Отцу уже который год мешали осколки. А теперь он избавился от них. Выздоровливал. За ним-то и поехала Андрияшина мать. Но из больницы выписывают не по желанию больного, а когда можно. Вот они и задержались, а наколотые дрова кончились. Пять поленьев на две печки осталось.

Варвара Егоровна была в таких годах, когда колоть дрова было ей затруднительно, да и не к лицу. Не женское дело. И она сказала:

— Андрияша, сбегал бы ты к Недопёкиным, позвал бы дядю Тихона. Пусть наколет нам дров, чтобы топить не оглядываться. На улице вон что мороз выделывает. А отец вернётся — хорошо топить надо.

— Сейчас, бабушка. — И, накинув шубейку, Андрияша убежал.

На улице вечерело. Старуха задремала на лежанке. А когда проснулась, за окном было уже темно. «Не иначе час проспала», — подумала Варвара Егоровна и вспомнила о дровах.

Ни Андрея, ни дров, ни Тихона.

— Куда мог деться парень?

Услышав за окном глухой стук, откинула шторку. Посмотрела на двор.

На столбе ярко горела электрическая лампочка. В прошлом году пристроили, чтоб не спотыкаться. При таком освещении Варвара Егоровна могла разглядеть не только дровокола, но и сучья на дровах. А дрова, надо сказать, в этом году оказались кручёные, косослойные. Сук на

суку, да ещё с вывертом. Это были те самые зловредные дрова, которые легче распилить продольной пилой, нежели расколоть.

Андрияша, сняв полушубок, силился вытащить топор, засаженный в тяжёлый берёзовый кругляш. От мальчика валил пар. И бабушка хотела постучать в окно и позвать внука. Но что-то её остановило. И она стала смотреть на борьбу Андрияши с берёзовым чурбаном.

Как только он ни старался — топор будто вмёрз в дерево. Оставив упрямый кругляш, Андрей пошёл к поленице и выбрал второй — полегче.

«Соображает», — подумала бабушка.

Внук принялся изо всех сил ударять принесённым кругляшом по обуху засаженного топора. Напрасно. Кругляш только отбивал руки, а топор как был, так и остался.

— Жалко, — сама себе сказала Варвара Егоровна, — не одолеть, пожалуй, ему этого чурбака. Сегодня чурку берёзовую не одолеет, завтра от другого отступится...

Но внук делал всё новые и новые попытки вытащить топор и, когда потерял всякую надежду, решил поднять проклятое полено через себя и ударить обухом о другое полено.

— Надорвётся ещё, — испугалась Варвара Егоровна и снова хотела стукнуть в окно. Но сучковатое полено разлетелось пополам. Да так хорошо разлетелось, что старуха крикнула: — Ага, проклятущее, расколосось!..

Андрияша, не желая, привораживал бабушку к оконному стеклу. Вытерев лоб, плюнув так

же, как это делал отец, в руки, мальчик занёс топор над поленом, поставленным стоя. Удар. Топор скользнул в сторону. Полено, покачнувшись, упало.

Андрюша снова поставил полено и снова ударил топором. Полено дало трещину. Бабушке показалось, что она не столько догадывается об этой трещине, сколько различает её.

Полено поднялось над головой... Удар... Удача! Дело пошло на лад. Теперь уже было легче колоть половинки на четвертинки, четвертинки — на осьминки. Теперь можно было отдохнуть. Пробежаться. Сделать два-три вольных движения с вдохом и выдохом, как на зарядке.

Снова проходит час. С различным успехом Андрюша сражается с дровами. Одни разлетаются так звонко, что слышно через двойные рамы. Другие, узловатые, кривослойные поленья, супротивничают, но ни одно из упрямых поленьев Андрюша не вернул в поленницу.

Горшок с молочной лапшой давно вынут из русской печи, давно поставлена на стол тарелка, и перед ней не без умысла положена отцовская ложка.

Наконец открывается дверь. Стужа белым паром дохнула в избу. На пороге краснощёкий дровокол с синей шишкой на лбу. Бабушка не хочет замечать синяка. Она видит только румяные щёки и блеск синих глаз.

Андрюша положил подле печки дрова совершенно так, как это всегда делал его отец. Не бро-

ском, а полено за поленом, одно к одному. Положив так дрова, он сказал бабушке:

— Топа, мать, не оглядывайся. Пять-шесть нош на дворе осталось. До субботы хватит...

Обмёл веничком валенки, повесил полушубок и спросил:

— Что у нас в печи, бабушка?

Когда Андрюша покончил с ужином, бабушка добыла из сундука старинный серебряный полтинник и принялась легонько растирать синюю шишку, приговаривая:

— Серьёзные дрова нынче нам попали... Хоть ты их колуном, хоть клином. Трещат, а не колются. Как только с ними Тихон управляет-ся, не пойму...

Андрюша на это ответил:

— Недопёкины, они тоже с характером, бабушка, хотя у них фамилия и не такая известная, как наша с тобой.

Старуха улыбнулась и сделала вид, что не расслышала сказанного внуком. Андрей ушёл в горницу доучивать уроки.

Поздно вечером приехали отец и мать Андрюши. Радости не было края.

Мать первой заметила синяк:

— Откуда это у тебя, Андрюшенька?

— Не спрашивай лучше, — вмешалась бабушка и негромко добавила: — «Маменькины-то цветочки» хорошую нынче завязь дали. Спасибо тебе за внука, Евгения.

СТРАШНАЯ ЧЕРЕПАХА

Вот что мне рассказала медицинская сестра в Ялте. Пересказываю по памяти.

* * *

Года три тому назад я проводила лето в Казахстане у брата. Он агроном совхоза. Совхозный посёлок тогда ещё только начинал строиться. Брату дали отдельный домик. Он получил его в числе первых, потому что у него заболела младшая дочурка Оленька и ей нужен был полный покой. У Оленьки была какая-то непонятная болезнь. Она вдруг начинала плакать, даже визжать, прятать лицо в подушку и требовать, чтобы кто-нибудь сидел возле неё. Старик доктор Гринн, обслуживавший несколько новых совхозов, славился как детский врач. Он-то и взялся лечить Оленьку.

Гринн — москвич. Приехал он сюда вместе с сыном, молодым врачом. Старик не захотел одинокой старости. Он был вдов. Знавшие Гринна рассказывали о способах его лечения много интересного. Интересным мне показался и способ лечения Оленьки. Гринн точно установил, что причиной истерических припадков маленькой Оленьки было нервное потрясение. И это потрясение произошло во сне. Оленька скрывала этот сон. Но доктор её так расположил к себе, что она доверилась и рассказала о сне, дрожа, волнуясь и заикаясь, а затем впала в глубокий обморок.

Оказалось, что Оленька видела во сне огромную черепаху. А Оленька в этом сне была Дюймовочкой и сидела, как пчёлка, в чашечке цветка, и черепаха съела её вместе с цветком. И теперь время от времени, когда ослабевшую Оленьку клонило ко сну, появлялась огромная черепаха, и начинался печальный приступ.

Доктор, выяснив причину заболевания, выяснил и причину сна. Милая Оленькина бабушка имела обыкновение, усыпляя внучку, рассказывать страшные сказки. Когда Оленьке не хотелось спать, бабушка, принуждая её ко сну, говорила: «Если ты сейчас же не закроешь глаза и не уснёшь, то придёт страшная-престрашная большая черепаха, и она тебя съест».

И однажды, как я уже сказала, страшная-престрашная большая черепаха пришла и съела Оленьку, и девочка, завизжав, разбудила спящих.

Доктор Гринн жестоко упрекал Олину бабушку. И бабушка понимала, как она виновата. Горько плача, она умоляла доктора вылечить внучку. Бабушка даже стояла перед доктором на коленях.

И мне было ничуть не жаль эту старуху, которая так бездумно и, по сути дела, жестоко довела до такого состояния прелестное существо с изумрудно-зелёными глазками, золотыми локонами и тонкими чертами лица.

Однажды, провожая доктора Гринна, я спросила:

— Может быть, нужны какие-нибудь особые

лекарства? Я съезжу за ними куда угодно. Я до-
буду их.

И доктор мне на это сказал:

— Хорошо. Достаньте живую черепаху. По-
симпатичнее и не очень большую. Только не
спрашивайте меня, зачем это нужно, и не сооб-
щайте об этом никому.

Я пообещала достать черепаху. И достала их
несколько, выбрав самую маленькую.

— Очень приятная черепашка, — сказал
мне Гринн. — Теперь её нужно забрызгать кап-
лями какой-то быстросохнущей и долго держа-
щейся краски. Может быть, той, что красят ав-
томобили.

— А зачем? — спросила я тогда.

— «Зачем» — пусть знает пока доктор... И
неплохо, если капли будут разноцветными...
предположим, синими, красными, жёлтыми...

С черепахой я отправилась в гараж и сосла-
лась на Гринна, где у него была хорошая слава.
Черепаху закапали красками так, что рябило в
глазах. Участие в раскраске черепахи принима-
ли чуть ли не все находившиеся в гараже. И
каждого из них живо интересовала затея докто-
ра. Наконец краска высохла, и черепаха была
доставлена Гринну.

— Изумительно! — восхищался он. — Без-
дна вкуса. Это будет чудесный клин, которым
мы вышибем болезнь.

В тот же день доктор приехал навестить
Оленьку. Он приехал в самом весёлом располо-
жении духа. В его руках был красный флакон с

пробкой, изображавшей голову змеи. Он ска-
зал:

— Я нашёл лекарство, Оля!

— Это? — спросила она, указывая на фла-
кон.

Гринн ответил:

— И да и нет. Это разноцветные капли обрат-
ного роста. Если капнуть из этого флакона одну
каплю на лошадь, она станет не больше овцы. А
если две, она будет меньше кролика. А если три,
лошадь станет немногим больше кузнечика.

— Это волшебные капли? — спросила Оля.

— Почти, но настоящие. Сегодня утром я по-
пробовал капнуть ими на ужа, и вот во что он
превратился.

Тут доктор вынул второй флакон. Он был на-
полнен водой, и в воде плавала маленькая пия-
вочка.

— Каким он стал! Мама! Папа! Бабушка!
Смотрите, каким малюсеньким стал уж.

Я, кажется, начинала догадываться, к чему
клонился этот разговор. Доктору было необхо-
димо уверить Оленьку в чудесных свойствах ка-
пель. И он уверил её.

— Если бы этих капель мне добрый дядя вер-
блюду дал больше, то я бы сейчас капнул на этот
шкаф — и он бы стал игрушечным шкафом. Но
для этого необходима целая столовая ложка, а
мне капли нужны для большой черепахи.

— Да-а? — спросила Оленька, придвигаясь к
доктору. — Значит, вы тоже считаете, что такая
черепаха есть и она живёт в горьком озере?

— Именно там я её и видел вчера.

— И она хотела вас съесть?

— Хотела, да не сумела.

— А почему?

— Потому что я ем куриный бульон и телячьи котлеты, а черепаха не переносит этих запахов. Она даже не смеет подойти к человеку, который питается куриным бульоном и телячьими котлетами.

— Бабушка! — сказала Оленька. — Я захотела куриного бульона и телячьих котлет.

— Но больше всего она боится рыбных котлет. Потому что рыбы, особенно щука, её злейшие враги...

Оленька с жадностью ела бульон и котлеты. Доктор не обращал на неё никакого внимания, уговаривал меня сегодня ночью отправиться на охоту за страшной черепахой. Он говорил вполголоса, но не так тихо, чтобы этого не слышала Оленька.

— Когда мы подойдём к озеру, я заберусь на берёзу. А вы вместе с этой дудочкой сядете под берёзу и начнёте играть. Черепахи ужасно любопытны, и она, эта единственная на всём свете большая черепаха, выйдет из воды. И как только она окажется под берёзой, я вылью на неё все эти разноцветные капли... И как только она станет маленькой, вы её посадите в сумку.

Оля, прислушиваясь к разговору, вдруг спросила:

— А если она вас...

Доктор на это громко расхохотался и сказал:

— Ну что ты, мой друг! Мы съедим по полдюжине котлет и по две фаршированные щуки.

— Тогда да-а... — согласилась Оленька и спросила: — И куда вы её денете потом?

— Куда угодно... Можно в детский сад... Можно выпустить на волю... Маленькая черепаха никому не страшна...

Оленька не соглашалась с доктором:

— Нет! Её нужно посадить в клетку... Пусть знает... Пусть она узнает, жадина...

— Это самое правильное решение, — сказал Гринн, прощаясь с нами. — Так помните: в полночь за вами придёт мой добрый верблюд, и он вас доставит на горькое озеро, где я буду вас ждать...

Остаток дня Оленька провела спокойно. Перед сном она снова попросила куриного бульона. И она не только выпила его полную чашку, но и намазала им лицо, руки и шею.

Оля спала очень хорошо. Ровно дышала. Не вздрагивала во сне.

А утром, едва открыв глаза, она спросила:

— Приходил добрый верблюд?

— Да, да, — ответила бабушка. — И не один, а с верблюжонком. Тоже такой же ласковый. На верблюде уехал смелый доктор, а на верблюжонке — твоя тётя Катя с дудочкой.

Бабушка, видимо, уже поняла, какие сказки нужно рассказывать маленькой впечатлительной внучке.

— А когда они приедут обратно?

— Вот-вот... Пора бы уж...

А мы в это время с доктором сидели в кухне и пили чай.

А когда чай был допит, доктор сказал:

— Теперь последний клин... Не завритесь только...

— Да уж постараюсь, — сказала я и, зевая, вошла в комнату, где лежала Оленька.

— Как хочется спать... Ты представляешь, Оля, я всю ночь проиграла под берёзой, и только наутро она вышла из воды...

— Боялась запаха котлет? — оживлённо, как знаток охоты на страшных черепах, воскликнула Оля. — Нужно было меньше их есть.

— Ты права, Оля! — согласилась я. — Но к утру она уже достаточно проголодалась и вышла из воды.

— Страшная?

— Ничего особенного. Нормальная черепаха, только чуть больше шкафа.

— Нет, она больше. Больше! — твердо заявила Оля. — Она с дом. Я знаю. Она с дом.

— Может быть, и с дом. У меня слипались глаза, и мне, может быть, всё казалось меньше, чем на самом деле.

— А потом? — спросила Оля. — Она подползла под берёзу?

— Да. Я отскочила. А доктор стал лить на неё разноцветные капли. И она так быстро уменьшалась, что мы еле-еле нашли её.

— Где же она? Где?

— На кухне! Где же ей быть? Она пьёт чай с печеньем.

— Чай? С печеньем? — удивилась Оля.

— А что же ей остаётся делать при теперешнем росте...

— Принеси её, — попросила Оля.

И я внесла клетку с черепахой.

— Она! Это она! — сказала Оля. — Я сразу тебя узнала, жадная людоедка! Посиди теперь в этой клетке!

Рассматривая на панцире черепахи капли краски, Оля спросила:

— Это что у неё на спине?

— Это высохшие разноцветные капли, — ответила я.

— Да, это они, — подтвердила Оленька. — Бабушка, посмотри, какие бывают разноцветные капли...

Через неделю Оля бегала, кормила черепаху. К моему отъезду от Олиной болезни не осталось и следа. Всё же выпустить черепаху на волю Оленька не решалась: «А вдруг она опять вырастет?»

Черепашу я предложила увезти в Москву и сдать в зоологический сад. По дороге на станцию я её отпустила.

ПАЛЬМА

На берегу Чёрного моря, неподалёку от Ялты, стоит весёлое здание столовой пионерского лагеря.

Когда наступает время завтрака, обеда или ужина и горн приглашает к столу шумное насе-

ление, появляется Пальма. Это очень привлекательная крупная собака. Статная, чёрная, с рыжими подпалинами, она обращает внимание всякого. Пальма — общая любимица ребят. Её взгляд умилен и ласков. Она приветливо помахивает хвостом и с охотой разрешает гладить себя детворе.

Как такой милой собаке не сохранишь косточку, хрящик или недоеденную котлету!

Пальма, неторопливо и благодарно облизываясь, съедает всё лучшее из брошенного ей, а затем отправляется дремать в прибрежные кусты дикой маслины. Иногда Пальма купается в море, а потом сушится, растянувшись на золотистом песке, как настоящая курортница.

Собака очень свободно чувствовала себя среди привечавших её детей и всегда, опустив хвост, уходила прочь, как только на берегу появлялся старик рыбак. Старик жил поблизости от лагеря, и за ним всегда приходил баркас.

Как-то в час купания, когда Пальма грелась на солнце, появился рыбак. Почувяв его приближение, собака открыла глаза и, поднявшись, покинула берег. Ребята решили узнать, в чём дело, почему Пальма так не любит или боится доброго старика, и спросили его об этом.

— Стыдится она меня, — ответил рыбак. — Видно, в ней ещё осталась совесть. Хоть и собачья, но всё-таки совесть.

Ребята обступили старика и спросили, почему Пальме должно быть стыдно.

Старик посмотрел из-под руки в море и, увидев, что баркас ещё далеко, принялся рассказывать:

— В нашем посёлке, вон за той горой, жил был, да и сейчас живёт, уважаемый рыбак и хороший охотник Пётр Тихонович Лазарев. Как-то осенью, в ветер и дождь, шёл Лазарев берегом моря. Слышит — кто-то подскуливает. Остановился. Огляделся. Видит, в траве под пальмой щенок. Нагнулся, разглядел щенка. Понравился. Сунул его за пазуху, принёс домой и назвал Пальмой...

Ребята, окружившие старика, притихли. Всем хотелось знать, что будет дальше. И старик, раскурив потухшую трубочку, не заставил себя ждать.

— Выкормил Лазарев Пальму, выучил сторожевому делу и к охоте приставил. Понятливая собака оказалась. Даже записки рыбакам относил. Мало ли... И в этом бывает надобность. Всему посёлку полюбилась собака. И всякий рыбак знал её по имени. А потом... потом что-то случилось с собакой. День дома — два дня где-то бегаёт. Что такое? Решил Лазарев проследить собаку. И проследил. Сидит она подле вашей столовой, облизывается, косточки ласковым взглядом выпрашивает, сладенькие объедки хвостом вымахивает.

«Ты это что, Пальма? — спрашивает её Пётр Тихонович. — Аль дома впроголодь живёшь? Как тебе не стыдно!»

Собака туда, сюда. Заскулила виновато. К хозяину приползла — дескать, прости. И за ним домой.

День, два, три пожила дома, а потом нет и нет её.

Лазарев снова к столовой. Пальма хотела улизнуть, да не тут-то было. Лазарев её за опшейник да на верёвочку. А как же иначе? Коли добрых слов не понимаешь, значит, получай взыскание. Привязал её и говорит: «Смотри, гулёна! Одумайся!» А она эти слова мимо ушей. Мало того, привязь перегрызла — и ходу на даровые хлеба, к лёгкой жизни.

Наутро Лазарев пришёл в лагерь, увидел неблагодарную изменницу — и к ней. А она зубы скалит, рычит. А на кого, спрашивается, рычит? На того, кто сдохнуть ей в ветровую, осеннюю погоду не дал, кто соской её выкормил, к охотничьему ремеслу приучил, к сторожевому делу приставил! Он её за опшейник, а она его за руку — хват! И до кости.

Опешил Лазарев. И не столько от боли, сколько от удивления и обиды. Промыл морской водой рану и сказал: «Живи, Пальма, как знаешь. Не будет тебе счастья, бездомная гуляка!»

Трубка снова потухла. Старик снова разжёл её. Потом посмотрел в сторону подходившего баркаса и сказал:

— Вот и весь сказ... А дальше видно будет, как это кончится.

На другой день рассказ старика о Пальме стал известен во всех палатках лагеря.

Пришло время завтрака. Горн пригласил к столу, и, как всегда, появилась раздобревшая попрошайка. Она привычно уселась подле входа

в столовую, ожидая даровых лакомств. Заранее облизываясь. Пальма по запаху знала, что сегодня ей перепадёт достаточно бараньих косточек.

И вот завтрак кончился. В дверях появились её знакомцы, но их руки были пусты. Ни один из них не вынес ей ни косточки, ни хряща. Ничего. Ребята, проходя мимо, даже не взглянули на неё. Они, не сговариваясь, но будто сговорившись, платили собаке-бездельнице презрением. И только одна девочка хотела было бросить Пальме косточку, но ей сказали:

— Настя, зачем ты идёшь против всех?

И Настя, зажав косточку в кулаке, прошла к морю, а затем бросила её рыбам, крабам, морским ежам — кому угодно, лишь бы она не досталась собаке, изменившей своим обязанностям.

ЧУДЕСА НА БОЛОТЦЕ

Старик из уральских старателей-золотоискателей минувших и давних лет рассказал эту историю про Тухлявое болотце так.

* * *

Не родился ещё такой краснобай, который про наш Урал мог бы все были-небыли пересказать. Потому что чуть не каждый день новые чудеса. Край такой. Пойдёшь по грибы — найдёшь золото. И следопытство у нас не просто так, а в

крови. Наследственно. С малых лет. Другой пока ещё ни «а», ни «бэ», ни «кукареку», а уж присматривается. Ищет. Тетеревиное перо найдёт — и то без внимания не оставляет. А уж про всякие другие находки и говорить нечего. Если разобраться, так и самый захудалый цветок зря не цветёт, и сорока попусту не прострекочет. И настоящие искатели во всё это вникают.

Таким вот и рос Васятка Копейкин. При бабушке Авдотье жил в старом доме, что возле Тухлявого болотца. Бабка у Васятки была сильно ногами слаба, а умом до того светла, что половина округи к ней за советами ходила. И лечила она к тому же. По старым распорядкам такую бы к ведьмам надо было приписать или уж, самое малое, в знахарках числить. А её в народной медицине прославляют. И от кашля у неё верная трава, и от головокружения грибной настой... И всякая разная всячина, вплоть до змеино-го яда, до пчелиного укуса.

Лечила добрых людей бабушка Авдотья. Себя только вылечить не могла. Круглый год сиднем сидела. В огород на коляске ездила. Коляской её Москва наградила. За травы. За корни. А травы-корни ей внук искал. Она рассказывала — что, как и где, а он собирал целебные богатства да ещё новое открывал. Не нарадуется на него бабушка, да и соседи хвалили парня. Не все, конечно.

В посёлке жил другой искатель-открыватель. Гаврик Козырев. Большого замаха парняга. Во сне знатные клады земли видел. Не жалел

ног на розыски. Собачонка его, бывало, язык высунет от усталости, а он её дальше тянет. И где только не побывал Гаврик Козырев, а ничего такого не открыл, не нашёл. А хотелось. И так-то хотелось, что сам себя готов наизнанку вывернуть, лишь бы клад. И не просто там известняк, скажем, или краситель какой, а — нефть, изумрудные россыпи и, на худой конец, каменный уголь...

Зачем на мелочь себя разменивать, медвежью берлогу находить или, того смешнее, лечебные корни выкапывать, как Васятка Копейкин. Одна фамилия что стоит. Живая метка. Копейкин, он и есть Копейкин, а не Пятаков. Не Гривенников. То ли дело Гаврила Козырев!

Ходит козырем Гаврик Козырев, отцу-матери золотые горы сулит. А Васятка Копейкин своим грошовым делом занят. Во всё вникает, всё узнаёт, на ус мотаает, с уса на ум-разум перематывает. Раздумывает. Прикидывает. Соображает.

Как-то старик лесник совсем неподходящую побывальщину про Тухлявое болотце Васятке рассказал. Рассказал, будто в древней-предревней давности сюда золоторогий хромой олень бегал. Ногу лечил. Волшебно рассказывал лесник. Нараспев.

А потом как-то старушонка одна тоже небыль прошамкала. Опять про то же болотце. Будто не один олень, а и прочая недужная лесная живность исцелялась.

Смешно. И верить не верится. И выбросить из головы жалко. А тут ещё пастух подвернул-

ся. Одно на одно. Рассказал он, как у него в стаде корова обезножела и как она в Тухлявое болотце рывом рвалась, от стада убегала и, вроде того хромого оленя, в его тухлявой жижи-грязи нежилась.

— Неужели правда? — удивляется Васятка.

А пастух ему:

— Да вон же она, комолая. Раньше еле ноги таскала, а теперь хоть паши на ней.

Услышал такое Васятка и к Гаврику Козыреву побежал. Рассказал ему про чудеса на болотце и спросил:

— А вдруг это суцая правда?

Громко расхохотался Гаврюшка Козырев, сказал:

— Эх вы, Копейкины-Полушкины... Грошевики. Из своей болотной грязи вылезти не можете, пустобрёхам разным верите... — И пошёл-пошёл всякие обидные слова говорить.

А Васятка не слушает, о своём думает.

Думал он, думал и придумал так, что чуть не задохнулся от радости. К бабушке побежал и рассказал ей всё, начиная с золотого оленя, и стал её упрашивать:

— Давай, бабонька, я болотной жижи-грязи в большую кадушку натаскаю, а ты ноги свои в неё ставь. И вдруг да...

— Попытка — не пытка, — говорит бабушка. — Давай...

День лечит в болотной грязи свои ноги бабушка Авдотья. Другой лечит. Ничем-ничего. Но про себя думает, что грязь не мазь. Терпеть

надо. Олень не один день на болото ходил. И комолая корова тоже не одну неделю туда бегала.

Прошло сколько-то не так уж мало дней, тепло бабушка почуяла в своих ногах, а через месяц — силу. Сама из кадушки ноги выпростала и по горнице пошла.

Вскрикнул Васятка. На колени пал перед бабушкой. Обнял её. Болотную жижу слезами оmyвает. И бабушка тоже сквозь своё счастье ревмя ревёт. Не только ходячим ногам радуется, зрячим умом своего внука любит. Себя в нём видит. А потом...

А потом всё как по писаному пошло. Учёные на Тухлявое болотце понаехали. Не сказку о златорогом олене проверять, не на комолую корову дивиться, — когда на глазах у всех сидячая Васяткина бабушка на своих ногах за грибами ходит.

Расчистили болотце, застолбили, оградой обнесли. Дома стали подыматься. И выросла богатая народная здравница. Славное название ей дали, а в народе её по-старому зовут — Тухлявое болотце. И кто ни приезжает сюда, чтобы свои недуги в болотце оставить, хорошую молву о Васятке Копейкине увозит.

ДЕДУШКИН ХАРАКТЕР

На берегу большого сибирского озера Чаны есть старинное село Юдино. Там я частенько жывал в доме старика рыбака Андрея Петрови-

ча. Старик овдовел и в большой семье был одинок до тех пор, пока на свет не появился внук. Тоже Андрей и тоже Петрович.

Все стариковские чувства, вся его любовь стали принадлежать теперь мальчику, который как бы начинал вторую жизнь Андрея Петровича. Во внучке дед узнавал свои черты, свой характер. Он так и называл его — «дедушкин характер».

Воспитывал внука сам Андрей Петрович. Помню, он говорил ему:

«Не можешь — не берись. А если уж взялся — сделай. Умри, но сделай!»

Внуку тогда было шесть лет.

Стояла морозная зима. Как-то я с маленьким Андреем отправился на субботний базар. Народищу — черным-черно. Понавезли на базар и мяса, и пшеницы, и дров, и всего, чем богаты эти края.

Мальчику бросилась в глаза большущая замороженная щука. Она была воткнута хвостом в снег. Не знаю, сколько весила эта щука, только её длина была в добрых полтора роста Андрюши.

— Как только ловят таких щук? — осторожно спросил меня Андрей.

И я рассказал, что для ловли больших щук берут крепкий шнур, делают поводок из мягкой кручёной проволоки. Сказал также, что для насадки крупного живца и крючок должен быть побольше, покрепче, чтобы сильная рыба не сломала, не погнула его.

Об этом разговоре я забыл и вспомнил толь-

ко после того, как произошло нечто удивившее меня.

Мы сидели и сумерничали с Андреем Петровичем в горнице. Старик то и дело поглядывал в окно. Поджидал внука.

Маленький Андрей, как и многие другие его одногодки, часто рыбачил на озере. Мальчики продавливали во льду лунки и опускали в них свою нехитрую рыболовную снасть. Без удачи ребята домой не возвращались. Озеро Чаны очень богато рыбой. Для удильщиков здесь сущее раздолье.

— Не приключилось ли что с ним? — забеспокоился старик. — Не побежать ли мне на озеро?

Я вызвался пойти туда вместе с Андреем Петровичем. Оделись, вышли на лёд. Озеро в ста шагах. Мороз под двадцать — двадцать пять градусов. Тишина да снег. Никого.

Вдруг я заметил чёрную точку.

— Не он ли?

— Не иначе, что он, — сказал старик, и мы направились к чёрной точке, которая вскоре оказалась внуком Андрея Петровича.

Мы увидели мальчика в обледеневших слезах. Руки его были до крови изрезаны рыболовным шнуром. Он явно поморозил нос и щёки.

Старик подбежал к нему и начал оттирать снегом лицо мальчика. Я взял из его рук шнур. Для меня стало сразу всё понятно: мальчик поймал щуку, которую не мог вытащить.

— Побежим, внучонок, домой, — торопил его дед.

— А щука-то? Как же щука? — взмолился мальчик.

Тем временем я вытащил щуку. Утомлённая рыба не сопротивлялась. Это была одна из тех щук, которых привозят на базар не столько для барыша, сколько для погляда. Их мясо невкусно и жёстко.

Щука не долго билась на морозе. Дед с гордостью посмотрел на громадную рыбу, потом на внука и сказал:

— Не по плечу дерево... Ну, да ведь ты не знал, что разбойница тяжелее тебя попадёт... Давно ли попалась-то она?

И мальчик ответил:

— В обед.

Андрей Петрович улыбнулся в бороду:

— Значит, ты с ней часа четыре валандался.

— Долго! — ответил, повеселев, Андрюша. — А привязать было не к чему.

Старик, оттерев лицо и руки мальчика, повязал его, как платком, своим шарфом, и мы отправились к дому. Уснувшую щуку я тянул за собой по снегу на шнуре.

Дома Андрюшу раздели, разули, натёрли снадобьями, перебинтовали его изрезанные руки. Он вскоре уснул. Спал тревожно. У него был лёгкий жар. Он бредил во сне:

— Не уйдёшь, зубастая, не уйдёшь!.. У меня дедушкин характер.

Андрей Петрович, сидя на дальней лавке горницы, незаметно вытирал слёзы.

К полуночи мальчик успокоился. Жар спа-

дал. Наступил ровный, спокойный детский сон.

Старик в эту ночь не сомкнул глаз. А утром, когда Андрюша проснулся, старик сказал ему:

— А всё-таки ты, Андрей Петрович, худо дедов наказ помнишь! Не по своей силе рыбину задумал поймать. Крюк-то гляди какой привязал — как якорь... Значит, именно ты метил срубить дерево не по плечу. Худо это, худо...

Мальчик, потупившись, молчал.

А дед продолжал внушать:

— Ну, да первая оплошка в счёт не идёт. Она как бы за науку считается. Впредь только таких щук не лови, которых другим за тебя надо вытаскивать. Стыдно это. Народ просмеивает тех, что не по спине мешок на себя взваливают, что не по кулаку замахиваются... А то, что ты не отступился от неё, — это правильно.

Тут два Андрея Петровича обменялись улыбками, потом обнялись.

Щука лежала в сугробе, припорошённая снегом. Когда же пришла суббота, Андрей Петрович вынес её на базар и воткнул хвостом в снег. Он просил за неё слишком дорого, потому что ему вовсе не хотелось продавать эту чудо-рыбину. Ему нужно было рассказать людям, каков характер у его внука, Андрея Петровича Шишкина, шести лет от роду, который знает уже одиннадцать букв и может считать до двадцати без осечки.

Теперь-то уж Серёжа большой человек. Сергеем Ивановичем его зовут.

А я его знал совсем мальчишкой. Лет четырнадцать ему было, когда мы с ним познакомились в лесной сторожке, где мне пришлось заночевать у старика Ивана Макаровича.

Вечер стоял тёплый, светлый. Недаром июнь на Урале считается белым месяцем. Сидим мы на берегу, разговариваем. Для попугу комаров костёр развели. Тишина. Речонка еле-еле журчит. Будто тоже дремлет, как и лес, как и травы. И вдруг слышим: буль, буль, буль... Не то кто-то идёт, не то плывёт по речке...

— Уж не выдра ли? — насторожился Иван Макарович. — Не похоже. А если корова, так откуда ей здесь быть... Да и зачем ей речкой идти понадобилось?..

Бульканье ближе. Вскоре появился мальчуган. Довольно высокого роста. Белокурый. С синими весёлыми глазами.

— Здравствуйте! — сказал он.

— Здравствуйте, — ответили мы.

Разговорились. Пригласили его к костру. Спросили, кто и откуда, как звать. Куда он по речке путь держит.

Мальчик назвал себя Серёжей и рассказал любопытную историю.

История состояла в том, что Сергея ещё в прошлом году заинтересовал необыкновенный состав воды речки Людянки.

— Ненормальная какая-то вода, — сказал он. — Не то жёсткая, не то мылкая... Странная вода.

— Ну и что из этого? — спросил я.

Он повернулся ко мне и ответил:

— Пока ничего. Но меня и моего друга, Володю-химика, это заинтересовало. Он очень хороший химик. Мы с ним в одном классе учимся. А потом стали исследовать воду Людянки. Нам помог преподаватель химии. И мы обнаружили в составе воды мельчайшие частицы слюды.

— Ну и что же? — ещё раз спросил я.

— На этом основании, — неторопливо и солидно продолжал Серёжа, — я и сделал предположение, что речка Людянка или один из её притоков проходят через залежи или хотя бы через слои слюдяного месторождения и вымывают из слоя мельчайшие частицы.

Мы незаметно переглянулись с Иваном Макаровичем, слушая рассуждения и доводы Сергея.

— К тому же, — продолжал он, — в одной из старых книг нам удалось обнаружить, что эта речка называлась не Людянкой, а Слюдянкой. Буква «С», может быть, потерялась со временем, или какой-нибудь землепроходец или даже писарь неправильно записал её название. И речка, названная от слова «слюда», стала называться более знакомым именем от слова «люди».

— Смотри ты, как оно дело-то поворачивается! — любуясь парнем, сказал Иван Макарович.

вич. — И я это же самое слышал. От бабки... —
Затем, обратившись к Серёже, он спросил: — И
что же ты теперь хочешь?

— Ничего особенного, — ответил Серёжа. —
Найти слюду. Она очень необходима. Неподалё-
ку от нас артель высекает изоляционные шай-
бы, прокладки. Им привозят слюду издалека. И
если мы найдём свою слюду, разве это плохо?

Мы опять переглянулись. Сергей, не замечая
этого, продолжал:

— Ведь когда-то, в петровские и в допетров-
ские времена, вывозили слюду с Урала. Не мог-
ли же её всю вывезти! Не правда ли?

— Вы правы, молодой человек. — Мне захо-
телось поверить этому хотя бы для того, чтобы
поддержать Серёжу в его догадках.

— И давно ты идёшь по реке? — спросил
Иван Макарович.

— Четвёртый день, — мягко ответил Серёжа
и, как бы оправдываясь, сказал: — Приходится
останавливаться. Делать анализы чуть ли не у
каждого ручейка, впадающего в Людянку-Слю-
дянку, чтобы не потерять путь к месторожде-
нию.

— Как же это ты один отважился? — задал со-
чувственный отеческий вопрос Иван Макарович.
И Серёжа сказал:

— Мы вышли вдвоём. С моим товарищем. С
Володей. С химиком. Он, хороший химик, ока-
зался плохим путешественником. Он побоялся
идти по реке в глубь леса. К тому же встретила-
сь змея...

— Так-так-так, — снова отозвался Иван Ма-
карович. — А ты, значит, не боишься...

— Нет, я тоже боюсь, — сознался Серёжа. —
И ещё как!.. Но ходить по лесам, речкам, го-
рам — моя будущая профессия. К ней надо при-
выкать уже теперь...

Снова послышалось «так-так», и Серёже бы-
ло предложено отужинать с нами. Он не отка-
зался. И, слегка покраснев, сознался, что его
продуктовые запасы, рассчитанные на десять
дней, иссякают.

Мальчуган, появившийся здесь десять —
пятнадцать минут тому назад, вдруг стал ми-
лым сыном и любимым внуком для двух чужих
и неизвестных ему людей.

Его уложили спать в сторожку. Дали ему по-
душку и покрыли марлевым пологом от кома-
ров. Мы же прокоротали ночь у костра, надеясь
отоспаться днём.

Когда Серёжа уснул, Иван Макарович объ-
явил мне:

— Далеко пойдёт парень. Такой не только
слюду найдёт — всю землю наизнанку вывер-
нет, всё золото выпотрошит! И там, где о нём не
слыхивали.

И я верил в это. И мне так хотелось, чтобы
Серёжа нашёл слюду! Пусть тоненький пласт.
Пусть крохотное месторождение, не имеющее
большого значения. Это подымет его в своих
собственных глазах. Это будет его настоящим
началом трудной профессии.

Серёжа проснулся поздно. Уха, сваренная

Иваном Макаровичем, уже остыла. Подогрели. Старик приготовил ему пополнение продуктовых запасов. Я подарил Серёже свой «вечный» электрический фонарик.

Он сказал:

— Ой, что вы! — А увидев, что фонарик дарится ему от всего сердца, сказал: — Я давно мечтал о нём...

Затем, проверив, как работает фонарик, он ещё раз поблагодарил меня и положил его в нагрудный карман...

Серёжа не торопясь надел свои резиновые сапоги, взвалил потяжелевший вещевой мешок, затем вооружился своим посохом с железным наконечником, напоминающим копьё, и стал прощаться.

Мы обменялись адресами. Вскоре послышалось удаляющееся «буль-буль». Серёжа уходил вверх по реке...

— Найдёт, думаешь? — спросил Иван Макарович и, не дожидаясь ответа, сказал: — Обязательно найдёт. Такие всегда находят.

ЛЕСНОЙ ЛЕШАЧОК

Из всех так называемых «святочных рассказов» мне особенно памятен тот, что я слышал от старого мастера фигурного литья Мирона Михайловича Поварова.

Рассказывал он его мне примерно так...

* * *

— Не знаю, как в старые годы у вас в заводском обиходе, а в наших рабочих семьях не было заведено украшать ёлки. Не объясню почему. То ли потому, что до крайности тесно жили, вернее же всего — каждая копейка была на счету. А у господ ёлки случались преобязательно.

И такие, доложу я тебе, аховые ёлочки наряжались, что не нагладишься на них через окна с улицы. Совсем, бывало, зачоченеешь на тридцатиградусном, а оторваться не можешь. Кажись, недели мало, чтобы дотютельно разглядеть всё, что горит, сверкает, блестит и отсвечивает на весёлых еловых веточках.

Рабочих ребят, само собой, не допускали на такие ёлочные веселья. В коренных уральских заводах твёрдо знали, кому и что положено. Я тоже своё место знал, свой порог. Однако же...

Однако же жизнь всякое вытворяла, особенно в ночь под Новый год. И со мной такое случилось, что и поверить немислимо. Меня, понимаешь, допустили на такую ёлку, лучше которой во всём нашем горном округе не было и не могло быть. Главная эта была ёлка. Ёлка в доме его превысоко и выше того — господина горного начальника. Над всеми он царём и богом был.

Моя матушка, Любовь Корнеевна, у горной начальничихи находом подённо услужничала. И по всей видимости, услуги моей матери для

молодой барыни были столь многоценны, что она согласилась впустить меня на ёлочный маскарад для барчат.

Не чудо ли?

Только в чём я мог появиться на такое торжество? В материных подшитых валенках? В латаных байковых портках? В линялой сатиновой косоворотке?

В чём?

А начальничиха из быстрых умом была. Живёхонько придумала нарядить меня лесным лешачком и посадить под ёлку.

Сказано — сделано. Долго ли господским портникам сшить лешачиную одёжку с хвостом, смастерить обутки с копытцами. А маску-шапку с рожками ещё того проще сделать.

Примерили всё это на мне, научили лесным ужимкам, лешачьим прыжкам и пляскам. Я рад-радёшенек. Дома пробую, как лучше других потешать. Я, надо сказать, всегда любил веселить людей. Тягостно ведь жили тогда...

И вот, изволишь ли видеть, настал жданный вечер. Зажглась из красавиц красавица всецветными лампочками. В эти годы уже появилось электричество. И кому-кому, а горному начальнику его первому провели. Ослепнуть впору от радужного сияния и мигания. Такой свет! И столько всего на ёлке повешано, что не только меня, девятилетнего мальчонку, возвращённого в темноте, но сановитых господ инженеров этакая украшительная незнаемость околдовывала. И вдруг, понимаешь...

И вдруг, понимаешь, грянула неземная музыка во все смычки, в неведомо сколько труб и флейт. Отродясь я такой не слыхивал. На ёлке каждый шаричек, каждая бусинка, звёздочка, заделистая безделушечка — всё до последней блёсточки зазвучало. И я, кажись, от рожек до хвоста зазвучал, под ёлкой сидючи...

И вот, представь себе, распахнулась большая двустворчатая орлёная дверь — и опять чудо! Через неё парами, тройками хлынули царевичи, королевичи, золотые принцы, серебряные витязи, голубые гусары, алые уланы и не поймёшь кто ещё... А с ними лилейные принцессочки, кисейные барышнешечки, разнопёстрые бабочки, легкокрылые стрекозочки, искристые снежиночки, огневые жар-птичечки... Не упомяну, кого и кем нарядили важные матери.

Я себя не чую. Млею и таю, в поднебесье витаю...

Хоровод вокруг ёлки завели. Песню начали складно. Большие и маленькие пели. Какие-то тихие струны им славно подзванивали. А потом снова музыка. Протяжная такая. Танцы начались. Не простые танцы. Выгибные, хлипкие, чопорные. Видать, хорошо этому мастерству господят обучали.

А я у самого комля под ёлкой таюсь. Глаз с госпожи-барыни не свожу. Знака жду, когда до меня черёд дойдёт.

Дошёл черёд. Барыня музыкантам кивнула и меня из-под ёлки глазами позвала.

Во всю медь принялись трубы плясовую гре-

меть. Я молнией из-под ёлки высверкнул и посреди зала принялся копытцами такую дробь отбивать, такие коленца выдавать, так высоко подскакивать, что и всамделишному матёрому лешему не осилить бы, пожалуй, мою прыть.

Все на меня — во все глаза. А я пуще того... Господская мелочь рты поразинула, опешивши. И большие господа едва ладоши не отбили в лад, моему плясу хлопаючи. Госпожа-барыня предовольнёшенька, что такую потеху придумала. И как только кончилась музыка, оборвался мой искромётный пляс, все ко мне. Все с похвалами, с улыбками, с «браво-бис» окружили меня. Но тут, понимаешь...

Тут осечка случилась. Слетела с моей головы маска-шапка с рожками... Слетела — и большую перемену произвела. Все улыбки, хлопки, все «браво-бис» как ветром сдуло.

Не тем я оказался. Не из тех, кому дозволено в этом доме плясать.

Первым узнал меня главный царевич в солнечной парче. Им начальников сын был наряжен. Узнал он меня и на всю залу закричал:

— Это же Мирошка, Любки-подёнщицы сын! — И ко мне лицом к лицу: — Как ты, поганец, посмел пробраться сюда?

И сразу же игрушечную саблю наголо и скомандовал разделаться со мной, как с лесным нечистиком.

Королята, принцы, гусары рады-радёшеньки свою храбрость показать. Кто за хвост меня, кто за шиворот. Сбили с ног. Барыня-начальни-

чиха не успела остановить разъярённых вояк и сказать, что я ею допущен был и наряжен лесным лешачком.

Меня терзали не одни благородные рыцари и уланы, но и лилейные воительницы вступили в азарт жестокой игры. Спасибо дедечке Еремею Фомичу — управительскому слуге... Светлая ему память... Вызволил он меня, унёс в людскую, в лакейскую. А дальше...

А дальше, прости меня за непрошеную стариковскую слезу, не найдётся у меня ни слов, ни сил, ни голоса, да и надобности нет досказывать это всё. Сам понимаешь, как я встретил тогда Новый год.

Про эту горькую былль до сегодняшнего дня я никому ничего не рассказывал. Стыдился, понимаешь, вызывать к себе жалость. А потом, спустя годы, затмилось всё это. Новые, светлые равноправные ёлки зажглись. Другие времена наступили. Пришли счастливые детские праздники для всех. И уж вовсе не к месту было ворошить это бесправное глумление, ушедшее в вечное забытьё.

А недавно... Совсем недавно в зарубежных газетных столбцах я прочитал заметочку, в которой описывалось сильно похожее на то, что было со мной. И это так больно ужалило меня, что память воскресила господский маскарад. И я как-то сразу понял, что недозволительно, что не всё мы имеем право забывать. Кое-что надо помнить...

Осенью Маврик упросил бабушку купить ему Чижика. И бабушка купила.

— Вот тебе твой Чижик-Пыжик, — сказала она и поставила на стол большую деревянную клетку. — Заботься о нём. Не забывай кормить и поить. А придёт весна — выпустишь.

Обрадовался Маврик: теперь Чижик-Пыжику не придётся мёрзнуть на ветру и летать до усталости с места на место, чтобы раздобыть корм.

Каждую неделю Маврик чистил клетку. Он исправно менял воду в поилке и вдоволь насыпал в кормушку зёрен.

Чижик прожил в тепле и в холе всю долгую зиму. А когда пришла весна, наступило время выпускать лесного жителя. И повёз Маврик клетку с Чижиком-Пыжиком через весь город на автобусе. А потом до леса пешком. Облюбовал в лесу пенёк, поставил на него клетку и открыл дверцу. А сам отошёл в сторону:

— Лети, Чижик-Пыжик, лети на волю!

Чижик прыгнул на порожек дверцы, отряхнулся и... обратно в клетку.

— Ну что ж ты не летишь, глупый?

И тут Чижик словно понял, что от него хотят, взмахнул крыльшками и выпорхнул из клетки. Взлетел на таловый кустик, оттуда на маленькую берёзку. Огляделся кругом и принялся клювом чистить пёрышки. А потом услышал чижиный зов и порх-порх — с ветки на ветку, с дерева на дерево — добрался до берёзовой чащи.

Вскоре Чижик-Пыжик проголодался. Принялся он искать знакомую кормушку. До самых потёмков проискал, да где же её найдёшь в лесу.

Наступила ночь, и хоть была она не очень холодная, Чижик всё равно продрог. Он весь нахохлился, его взъерошенные перья походили на пшубу. Но ничего не помогало. Голодный, дрожащий от холода, он с трудом дождался утра.

А утром увидел, как птицы добывают еду, и вспомнил забытое. Он тоже отправился искать себе корм, но крылья плохо слушались его.

Что-то случилось с его сильными, лёгкими крыльями. Раньше он летал и далеко и высоко. А теперь едва-едва мог перелетать с дерева на дерево. Отвык за зиму.

Плохо стало Чижик-Пыжику, страшно. Ни корма добыть, ни от хищника спастись. А тут ещё собралась чижиная стая улетать к родным гнёздовьям. Отправился с ней и Чижик-Пыжик, но скоро устал, оторвался от стаи и в изнеможении упал в траву. Этому только и ждала хитрая лиса...

Тем временем наступило лето. Маврик думал, что Чижик-Пыжик давно уж обзавёлся гнездом и птенцами, но всё-таки надеялся, что его любимец вернётся к нему зимовать. И ждал, когда же тот постучится в окно своим маленьким клювом.

Но прошла осень и пришла зима. А Чижик-Пыжик не прилетал. Видно, не нашёл дома, где когда-то жил у мальчика и где ждала его вкусная пища.

Так думал Маврик. Ему и в голову не приходило, что Чижики-Пыжики давно уже нет.

Откуда было знать Маврику, что лесные птицы — чижи, синицы, щеглы, — пожив в клетке даже немного, гибнут потом, очутившись на воле.

ДЕДУШКИНЫ ОЧКИ

У деда внук был. Не ахти какой самоцвет — парень и парень. Только старик очень внука любил. И как не любить, когда он — дедушкин портрет, бабушкина улыбка, сыновья кровь, невесткина бровь и её же румянец.

Отец, мать на работе, а внук при дедушке.

Старик сам на всю семью валенки подшивал и сапожничал по домашности. Внук около деда вертится — хочет узнать, что к чему. Глазами дедушке помогает. И руками подсобить не откажется.

Провоцит, скажем, дедушка дратву, а щетинку в её конец не может воскать.

— Дай, дедушка, я. Ты плохо видишь.

— Да воскёшь ли, внук? Дело хоть простое, а трудное.

Час, другой, третий бьётся внук, а научится. И так всегда.

— Ах ты, дедушкины очки! — скажет старик. — При тебе и без глаз остаться не боязно. Увижу.

Подопрели как-то у старой избы венцы. Менять надо.

— Давай, внук, сами венцы сменим.

— Давай, — отвечает внук. — Только я, дедушка, никогда этого не дельвал.

— Не беда, — отвечает дед. — Были бы глаза, а руки при хороших глазах что хочешь делают. Тащи пилу. Точить будем. Развод зубьям хороший дадим.

Притащил внук пилу и побаивается, чтобы дед руки не повредил.

— Я сам, дедушка. Только ты мне показывай, как зубья разводите, как напильник при точке держать.

Показал дед, как развод зубьям давать, как напильник держать. Поторопился внук — поранился маленько. А дедушка палец перевязывает да и говорит:

— Пила-топор торопливых не милуют. А мы их терпением обманем да сноровкой перехитрим.

Обманул внук пилу терпением, топор сноровкой перехитрил. Выточил так, что они в дерево, как нож в масло, идут.

— Пойдём теперь, внук, в лес дерева на венцы валить. Только побереги меня, Вася, в лесу от смерти.

— От какой смерти, дедушка?

— Деревя знаешь какие вредные? От себя वालीшь, а на тебя упадут. Боюсь, как бы меня какое дерево не прихлопнуло. Я ведь ещё хуже видеть стал.

— Ничего, дедушка. Зато я в оба глаза буду глядеть.

Пришли в лес. Дедушка показывать начал, как запил зарубать, куда наклон у дерева, как по ветру дерево валить. Хорошо с делом справляется внук — деда оберегает. Сторожко, с умом дерева валит, ноги бережёт.

Пришло время венцы подводить. Дед опять на глаза жалуется:

— Васенька, ты теперь уж вовсе моими очками стал. Гляди, а я рассказывать буду.

Рассказал дед, как бревно замерять, как паз в бревне выбирать, как угол «в лапу» рубить.

Старается внук. Что дедушка говорит, то и делает. А старик на ощупь руками проверяет, где и что не так — указывает.

Подвёл внук венцы, новым мохом пазы проложил, проконопатил. Васины отец-мать диву дались:

— Как ты это всё можешь, сын?

А Вася им:

— Да это не я, а дедушка.

Прошло сколько-то там времени, дед пуще прежнего на глаза жаловаться стал:

— Не могу я, Василий, без работы жить. Руки без дела слепнут, душа старится, сердце останавливается.

А внук припал к дедушке и давай его обнадеживать:

— Не горюй, дедушка. Я за двоих вижу. Моих глаз нам на обоих хватит. Давай работать. Ты только говори, а я сам увижу.

Работают дед и внук. В два глаза глядят, в четыре руки мастерят. Печи перекладывают,

трубы выводят, рамы стеклят, полы стелют, крыши щепой кроют. Нарасхват мастера.

Как-то они навесы к рамам привёртывали, и внук отвёртку потерял. Искал, искал — не может найти.

А дед ему:

— Да вон она, Васенька, в стружке лежит.

— Это как же ты, дедушка, увидел её?

— Видно, внук, глаза от работы прозревать начали.

— Может быть, и бывает так, только я не слышал, чтобы к старости глаза лучше видеть начинали.

Опять прошла неделя, другая. Тонкую работу дед с внуком взяли. Старинный узор в барском доме для колхозной чайной нанялись подправлять.

— Ты, — говорит внук, — сиди, дедушка, это не по твоим глазам, а я прожилки у листочков наводить буду.

Стал внук прожилки кисточкой выписывать, а дед и говорит:

— Васька, да ты это что? Прожилки листам надо во всю их живую силу давать, а ты их тоньше волоса выводишь.

Слез Василий с подмостей и спрашивает:

— Как это ты, дед, с полу прожилки на листах можешь видеть, когда я их плохо разглядываю?

А дедушка не потерялся да и говорит:

— Молод ещё, значит, мастер. Не можешь пока без дедушкиных очков работать.

Тогда внук и спрашивает:

— Так кто же для кого очки? Ты для меня или я для тебя?

— А это уж тебе, внучек, лучше знать. Большой вырос.

Понял тогда Василий про дедову слепоту.

Обнял старика:

— Хитрый ты у меня, дедушка. Беда какой хитрый!

А старик на это, не таясь, отвечает:

— Если деду хитрому не быть, так откуда внуку умному да работающему вырасти?

Много лет прошло. Громко Василий работать начал. Во всю силу его трудовая слава зацвела. Василием Петровичем величать стали, редким мастером называли. Когда же состарился Василий Петрович, сам стал молодым мастерам хитрые «дедушкины очки» надевать. Чтобы глубже своё дело видели да на работу шире смотрели.

ТОНКАЯ СТРУНА

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

ЕВГЕНИЙ АНДРЕЕВИЧ ПЕРМЯК

Имя Евгения Андреевича Пермяка хорошо известно как взрослым, так и читателям-школьникам. Его творчество весьма разнообразно. Среди книг Е. Пермяка есть сказки, рассказы, комедии, драмы, водевили, романы, повести, публицистические статьи, очерки.

Родился Евгений Андреевич 31 октября 1902 года в Перми. Здесь, на Урале, он хорошо узнал жизнь простых людей, слышал живой и выразительный народный язык.

Предки писателя — выходцы из крепостных. Отец Е. Пермяка, мелкий почтовый служащий, скончался от чахотки, когда сыну было три года. Нелегко было матери воспитывать сына.

В детстве и юности Е. Пермяк с матерью часто ездил по родным городам и посёлкам Урала и близко познакомился с жизнью мастеровых людей. Ещё мальчиком он полюбил ремёсла и сам

стал мастером на все руки. Топор и пила, рубанок и молоток стали его верными друзьями.

Позднее, на исходе Гражданской войны, Е. Пермяк едет в Кулундинские степи. Сибирь закалила его, научила пахать, сеять, убирать урожай...

Но больше всего Е. Пермяка тянет к литературе. Окончив педагогический факультет Пермского университета, он переехал в Москву и с середины 30-х годов начал печататься в газетах и журналах.

Выходец из трудовой уральской семьи, Е. Пермяк и в литературу принёс свой опыт, свою трудовую биографию. Не случайно тема труда стала основной и любимой в его книгах. В 1946 году вышла книга «Кем быть?». В своё время она помогла тысячам детей, оставшихся после войны сиротами, найти себя в жизни и труде. Подлинным гимном труду, «уральской энциклопедией для подростков» назвали эту книгу критики. «Только труд делает маленького человека большим, — говорил Е. Пермяк. — Только труд приносит счастье, почёт и радость». Писатель был уверен, что из его маленьких трудолюбивых героев вырастут хорошие, добрые люди.

Е. Пермяк умел весело, интересно, понятно говорить с детьми на самые серьёзные темы. Сам писатель отмечал, что для него важнее всего, как сказать, над этим он больше всего и думал, когда создавал свои произведения. Для детей и юношества Е. Пермяк написал более двухсот книг, среди которых: «Детство Матрика»,

«Дедушкина копилка», «Торопливый ножик», «Тонкая струна», «Пичугин мост», «Иголкины братья», «Сказка о стране Терра-Ферро» и многие другие.

Особенно много сделал Е. Пермяк как один из создателей современной сказки. Недаром его называли прирождённым рассказчиком, лукавым сказочником. Его сказки отличаются большой выдумкой, смелой фантазией, сочностью и выразительностью языка. Читаются они легко, на одном дыхании. Все утверждают торжество добра над злом. Герои сказок не ищут помощи у волшебных сил. Всегда побеждает разум, мудрость, настойчивость и труд.

Главным героем всех сказок Е. Пермяка является труд, та самая «волшебная сила», которая придаёт произведениям писателя современное звучание.

Умер Евгений Андреевич Пермяк 17 августа 1982 года. Но книги его и сейчас переиздаются и с большим интересом читаются. Они обогащают школьников новыми сведениями, помогают им лучше узнать жизнь.

СОДЕРЖАНИЕ

Здравствуй! *Евгений Пермяк* 5

ПИЧУГИН МОСТ

Надёжный человек	9
Пичугин мост	12
Знакомые следы	14
За что?	16
Самое страшное	17
Про Вову и кошку	18
Двойка	21
Дудилка	22
Бумажный змей	25
Сёма и Сеня	26
Тараканий охотник	30
Славка	34
Смородинка	38

ЧИЖИК - ПЫЖИК

Первый лук	43
Обманное озеро	48
Мама и мы	53
Набольший	62
Толковый мальчик	70
Разные цветы	73
Чужая калитка	77

Упрямые дрова	82
Страшная черепаха	88
Пальма	95
Чудеса на болотце	99
Дедушкин характер	103
Серёжа	108
Лесной лешачок	112
Чижик-Пыжик	118
Дедушкины очки	120

ТОНКАЯ СТРУНА

Памятная охота	127
Тонкая струна	132
Волчок	136
Необычная пятница	141
Разбойник	146
Тёмка	156
Шестой малахай	161
Балкунчик	165
Шарик и Торик	168
Волшебная правда	175
О волшебном ошейнике и семи драконах	180

ВОЛШЕБНЫЕ ИСТОРИИ

Иголочкины братья	189
О принце в голубой короне (<i>Сказ про Газ</i>)	199
Первая улыбка	217
Пастух и Скрипка	223

Про Яблоньку, которая рано зацвела	227
Белая Бабочка	230
Берёзовая Роща	234
Тайна цены	237
Мыльные пузыри	241
Белая ворона	245
Волшебные краски	249
Королева Буль-Буль	253
Новое платье королевы	263
На все цвета радуги	265
Как Огонь Воду замуж взял	268
Некрасивая Ёлка	271
Вместо послесловия	280

СЕРИЯ «ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА»

Литературно-художественное издание

Для младшего возраста

Пермяк Евгений Андреевич

НА ВСЕ ЦВЕТА РАДУГИ

Рассказы и сказки

Ответственный редактор *Н. Е. Дубань*
Художественный редактор *М. Е. Федоровская*
Технический редактор *Н. Ю. Крапоткина*
Корректоры *В. Н. Дробышева, Т. Г. Люборец*
Компьютерная верстка *К. В. Москалев*

ЛР № 010003 от 28.08.96

Сдано в набор 10.11.99. Подписано к печати 08.06.2000.
Формат 84×108^{1/32}. Бум. офсетная № 1. Шрифт «Школьный».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,12. Уч.-изд. л. 9,46.
Тираж 50 000 экз. (2-й завод 15001 — 20 000 экз.). Заказ № 4961.

Орден Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство
«Детская литература» Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций.
108720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Книжной фабрике № 1 МПТР России
144003, г. Электросталь Московской обл., ул. Тевоясяна, 25.

Пермяк Е. А.

П27 На все цвета радуги: Рассказы и сказки/Худож.
С. Гаврилова. — М.: Дет. лит., 2001. — 285 с.: ил. —
(Школьная б-ка).

ISBN 5-08-003789-X

В книгу вошли лучшие рассказы и сказки для школьников, созданные писателем в разные годы его творческой жизни.

УДК 820/89-93-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

**СЕРИЯ
«ШКОЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА»**

*Рекомендована
Министерством
образования РФ
к изучению в средней
школе и для
внеклассного чтения*

Серия «Школьная библиотека» — неизменный спутник многих поколений школьников. В ней издаются лучшие произведения

отечественной и зарубежной литературы со вступительными статьями и комментариями известных критиков и литературоведов.

Книги иллюстрированы лучшими художниками, имеют удобный формат и небольшой объем, рекомендованные для детского чтения шрифты, твердый целлофанированный переплет.

Постоянно в наличии более 80 книг для учащихся всех классов.

В ближайшее время выходят следующие книги:

БИАНКИ В. Чей нос лучше? (рассказы)

ГОГОЛЬ Н.В. Тарас Бульба

ЕСЕНИН С. «Душа грустит о небесах...»

(стихотворения и поэмы)

«ИДЕТ ВОЙНА НАРОДНАЯ...»

(сборник стихотворений о Великой
Отечественной войне)

МАМИН-СИБИРЯК Д. Аленушкины сказки

МАЯКОВСКИЙ В. Стихотворения и поэмы

НЕКРАСОВ Н.А. Стихотворения

НАВОКОВ В. Совершенство (роман и рассказы)

ПУШКИН А.С. Повести Белкина. Пиковая дама

СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ А. Планета людей

(роман, воспоминания)

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

ТУРГЕНЕВ И. Ася. Первая любовь

(повести)

ЧЕХОВ А. Лошадиная фамилия

(юмористические рассказы и водевили)

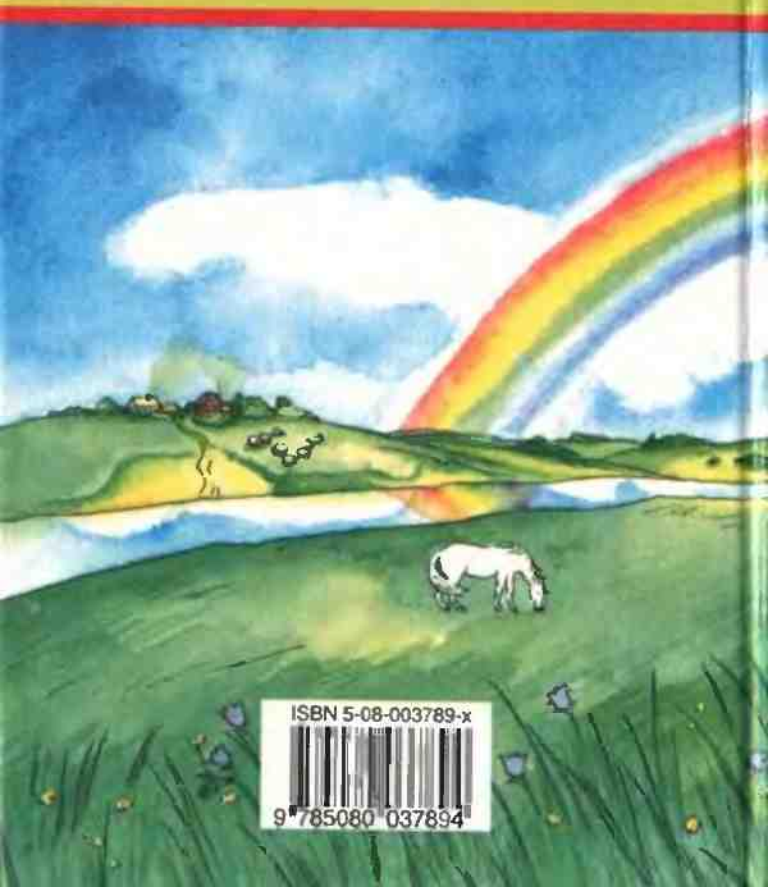
ШЕКСПИР В. Гамлет

и другие.

Тел.: (095) 285-07-15, 257-99-77

Издательство
"ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"

ISBN 5-08-003789-x

9 785080 037894